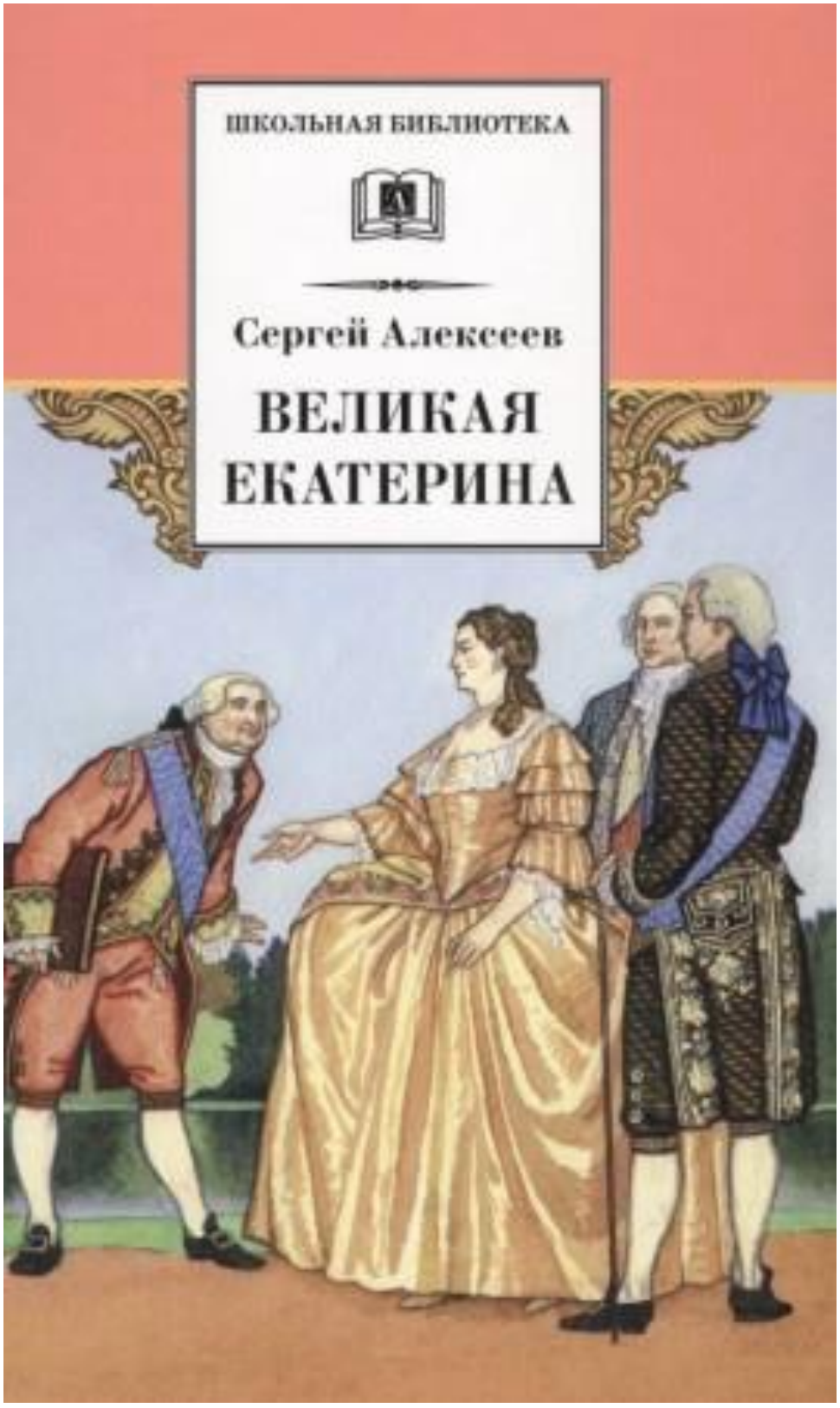
Сергей Алексеев Великая Екатерина. Рассказы о русской императрице Екатерине II

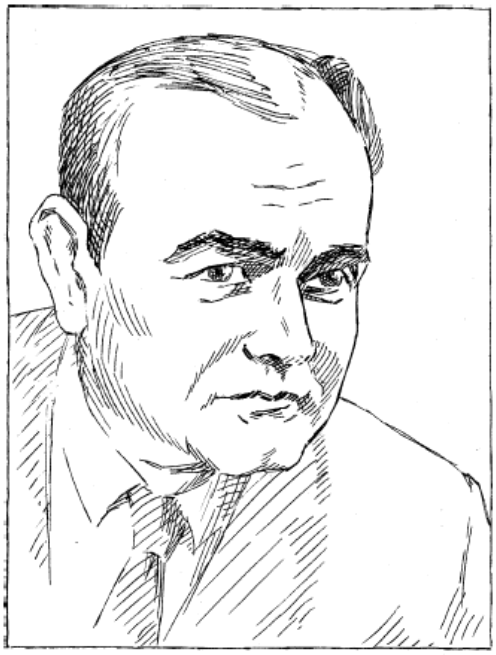


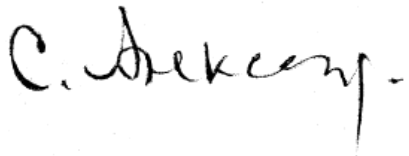
© Алексеева В. А., 2001

© Полозова Т., вступительная статья, 2001

© Бритвин В., иллюстрации, 2001

© Оформление серии. Издательство «Детская литература», 2001





1922—2008

Вступительная статья Т. Д. Полозовой

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Ты держишь в руках новую повесть Сергея Петровича Алексеева «Великая Екатерина» (Рассказы о русской императрице Екатерине II). В предисловии я расскажу тебе о своём впечатлении от книги, которую издало для тебя издательство «Детская литература».

Когда я прочитала рукопись этого произведения, мне захотелось побеседовать с тобой, читатель, именно как с другом. Говорят же: «Скажи, что ты любишь читать, и я скажу, какой ты человек».

Я давно знакома с автором книги, которая у тебя в руках. Давно читаю и перечитываю его произведения. И с каждой новой книгой люблю их больше. В твоей школьной библиотеке немало его увлекательных произведений. Знаток отечественной истории, Сергей Петрович Алексеев рисует живые картины различных её периодов так, как будто он сам лично жил во все времена, которым посвящает свои книги. Как будто он сам участвовал и в революционных событиях 1917 года, **лично** воевал в Гражданской войне начала 20-х годов, **сам лично** вёл танк, **первым** врывался в наши города, захваченные фашистами в начале Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

И рассказы о Екатерине Великой написаны не сторонним ее исследователем, но именно неравнодушным человеком, как будто лично наблюдавшим каждое из событий, составляющих смысл рассказов о русской императрице.

Вот, например, рассказ «Я буду старшей!». Он – о забавах девочки по имени Фике. О детских играх будущей русской императрицы. Это она, будущая Екатерина Великая, уже в детстве, даже в играх, упорно проявляла свой сильный характер. Любила играть с мальчишками, но не просто играть, а именно – командовать. «Я буду старшей!» – твёрдо заявляла Фике и добивалась своего.

Как уверенно командовала! Слушались её все. Нравилось всем подчиняться находчивой девчонке. Смелая она была и ловкая. С ней всегда интересно. Читаешь рассказ и представляешь живую, остроумную Фике. Как будто в кинокадрах проходит перед нами её жизнь. К тому же наше собственное воображение при внимательном чтении дорисовывает образ девочки.

Писатель же помогает нашему воображению. Заметь: не случайно он **троекратно** повторяет в споре предложения мальчишек:

«– Пусть будет старшим Ганс!

– Пусть будет Карл!

– Фридриха, Фридриха – в старшие!»

Пока мальчишки спорят, выдвигая кандидатуру в старшие, мы напрягаемся, ждём решительного слова. И вот оно: «Нет, я буду старшей! – упрямо сказала Фике». Вот она – уверенность в себе и смелость: девочка беспрекословно сама себя представила командиром. И мальчишки подчинились.

Вспомним: троекратный повтор свойствен народным сказкам. Во многих из них действуют три брата или три сестрицы. Заклинания, считалочки тоже часто строятся на троекратных повторах действия, призыва, уговора. Писатель Сергей Петрович Алексеев использует этот приём, чтобы приблизить к нам, читателям, своих героев. Помогает вместе с ним, с автором, как будто лично наблюдать и живо представлять всё происходящее.

Вот глава «Едет»: январскими морозными днями едет в карете повзрослевшая Фике в Россию. Прибывает каретный поезд в один город, потом во второй. Затем едет далее… Три раза повторяются одни и те же вопросы к проезжающим на пропускных пунктах. Три раза мы читаем и словно бы слышим один и тот же ответ:

«– Кто такие?

– Зачем?

– Куда?

– Графиня Рейнбек. В Россию».

Трёхкратно повторяются диалоги, мысли, действия и характеристики героев, их портретные зарисовки. Например, в рассказе «Достань воробушка» зримо нарисован портрет офицера-гвардейца. Он «подлетел» к карете Екатерины и занял место кучера. Передавая быстрое действие, писатель использует короткие фразы, выстраивает их в ритме скорого движения. Читая рассказ, мы оказываемся во власти чётко звучащих слов, фраз, как будто сами видим всё происходящее.

«Подлетел офицер к царскому кучеру, кричит:

– Русскую царицу может возить только гвардейский офицер!

Дёрнул он кучера. Скинул с кучерского сиденья. Сам мигом взлетел на козлы. Схватил поводья:

– Но!

Тронулись лошади.

– Но-о!

Ускорили лошади шаг.

– Но-о-о!!! – Поднял офицер кнут, опустил на лошадиные спины.

Рванули лошади. Помчали по улицам Петербурга…»

Привожу примеры из отдельных рассказов, но они свойственны всей книге. Нам же, читателям, очень важно почувствовать, понять и даже включиться в движение, в динамику сюжетов. Своеобразие ритма, звучание, музыка языка – всё это подчинено раскрытию авторской мысли, внутреннего смысла: чувств, мотивов, которые побуждают героев к определённым поступкам, действиям. Не случайно **вихрем мчатся** лошади по улицам Петербурга. Карета именно «подлетела», а не подъехала, к Зимнему дворцу… Всё предвещает что-то необычное – событие из ряда вон выходящее… Так и есть. Следующий рассказ – «Заговор». Оказывается, уже подготовлен заговор против Петра III. Уже принято в войсках решение – передать Екатерине управление Россией. Вот почему бравый гвардейский офицер «подлетел» к карете: он спешил доставить царицу в столицу.

Событиями историческими, значительными богата книга. Возможно, тебе понравятся не те рассказы, которые мне особенно дороги. На мой взгляд, очень интересны рассказы о преобразованиях в жизни России: «Перепись», «Картошка», «Прививка», «Печать»… Всю вторую главу книги составляют рассказы о нововведениях Екатерины II в быту, в жизни, во взаимоотношениях людей. Писатель показывает незаурядный, деятельный ум императрицы. Годы ее правления – время значительных исторических событий, перемен именно

исторических, то есть повлиявших на ход развития экономики, культуры, на образ жизни в России. Замечательно то, что писатель говорит обо всём этом просто и зримо. Мы уже отметили особый музыкальный слог (язык) рассказов С. П. Алексеева, а теперь посмотрим, что помогает нам, читателям, **увидеть** отдельные эпизоды так, как будто мы являемся их свидетелями. Как будто всё, о чём писатель повествует, случилось при нас.

Главное, думаю, в том, что о больших государственных событиях рассказано живо, с юмором. В жизни действительно нередко смешное – рядом со значительным.

Вот рассказ «Перепись». В деревне Ивановке, в селе Семёновке, да и в других селениях страны вместе с переписчиками появились воинские команды. Испугались простые люди солдат с оружием и разбежались по лесам и оврагам. Некого счётчикам переписывать. Не растерялась императрица. Отменила участие солдат в переписи. Распорядилась, чтобы её провели местные чиновники. Состоялась первая в стране перепись населения. Насчитали в стране 17 миллионов человек.

Изящно-юмористичен и рассказ о том, как картошка внедрялась в жизнь.

Теперь кажется странным – не все знали, что такое картошка. Но было так! А познакомившись с этим «земляным яблоком», невзлюбили его.

Писатель не информирует нас, а **рисует живую картину** происходящего. Мы видим мальчишку по имени Антошка. Антошку угостил картошкой Гошка. Не пришлась Антошке по вкусу картошка. Невзлюбил картошку и дед Антошки, старик Передрей. Его угостил картошкой «одногодок Еремей»… Писатель играет именами. Это занимательно, звучно. И глаголы подбирает особые: «невзлюбил» картошку, «угостил» картошкой… Так мы, читатели, включаемся в эту **игру словами** вместе с Антошкой и Гошкой. Вместе с их дедушками…

Ещё интереснее наблюдать, как люди испугались прививки. Теперь мы все к ним привыкаем с детства. Идём на уколы в школе, хотя бывает, что при этом коленки дрожат. Вспомни-ка стихотворение Сергея Михалкова: «На прививку, первый класс…»

А тогда первой прививки испугались не только люди необразованные. И приближённые к императрице графы, князья и даже важные генералы перетрусили. Съехались они в Зимний дворец в назначенный день. Ослушаться не могли. Но поприжимались к стенам, коленки дрожали. Вот забавная картина. Как не посмеяться… Только личный пример Екатерины и спас вельмож, графов, генералов. Императрица первая предложила свою руку для укола. Так просто и очень выразительно проявляет писатель уважение и симпатию к полюбившейся ему главной героине рассказов, собранных в эту книгу.

Однако заметим: называется книга «Великая Екатерина», но в ней есть и другие исторические герои. Мне лично дорог, мил и приятен образ храбрейшего полководца Александра Суворова. Он прост в общении, участлив к нуждам людей. И одновременно ему нет равных по храбрости, смелости, находчивости.

Обратимся к рассказам «Фокшаны» и «Рымник». Оба они – о военных битвах России с Турцией. События, описанные автором, не выдуманы. Так всё было в действительности.

А как гениальны решения полководца А. В. Суворова, какими блестящими и решительными были его военные планы! Однако отважный русский полководец привык рассчитывать прежде всего на себя, на свою тактику и стратегию, на мобилизацию своих сил и сил своих солдат. Он всегда детально, до тонкостей продумывал планы сражений, тщательно готовил к бою солдат, часто принимал довольно неожиданные, неординарные решения…

Обо всём этом ты с удовольствием прочтёшь в названных рассказах.

Представляется мне очень ценным ещё вот что в новой книге рассказов С. П. Алексеева. Писатель раскрывает характер Екатерины Великой и через зарисовки эпизодов об отношениях

императрицы к простым, незаметным людям. Вспомним рассказ «Прошение», в котором бедная вдова отставного офицера обращается к Богу. Узнав, что женщина лишена пенсии по её, Екатерининой, вине, императрица приказала восстановить справедливость. И была рада, что помогла несчастной женщине.

Близок к этому рассказ «Курица». Забавно представлять, как старательно гоняется старушка за рябой курицей. Не наказала Екатерина II молодого повара, внука шустрой старушки, за то, что он не своей курицей подкармливал бабушку. Распорядилась выдавать старушке из дворцовой кухни еженедельно по курице. И бабушке помогла. И внука её уберегла от воровства.

В этой связи обратим внимание ещё вот на что. Рассказ называется «Курица». Однако он совсем не о несчастной птице. Рассказ о том, что в Екатерине II и в годы её абсолютного величия, к счастью, продолжало жить сердце находчивой, наблюдательной девочки Фике. Став императрицей, Екатерина не потеряла способность видеть, анализировать и сочувствовать простым людям.

Приятно читать и рассказы явно сатирической интонации. Несколько раз перечитывала я не без улыбки рассказ «Театрал». Перечитывала – и представляла эту презабавную и унизительную для актёров и публики картину. Театральный зал полон зрителей, всё готово к началу спектакля, но занавес не открывается – все ждут губернатора. Вот хорошо было бы, если бы этот рассказ пришёлся по душе тем, от кого зависит порядок, дисциплина, организованность в делах, уважение к людям. Бывает и в наше время такое чинопочитание, и не только в театральной среде, и не только у взрослых…

Хочется мне сказать в конце вот что. Новая книга рассказов С. П. Алексеева и великолепные рисунки художника В. Г. Бритвина несомненно помогают нам сегодня представить живые картины из далёкой истории нашего Отечества. Без знания, без верного толкования истории нельзя многое понять и в современной жизни.

Невозможно избежать ошибок и в представлениях о будущем. Для каждого из нас изучение истории своей Родины – полезный урок на

сегодня да и на завтра. Вспомним, что даже великий наш Пушкин постоянно изучал отечественную историю, прекрасно знал её. И всегда гордился своим Отечеством.

Т. Д. Полозова, профессор, заслуженный работник культуры России

Великая Екатерина

Рассказы о русской императрице Екатерине II

Глава первая
Принцесса Фике

Корона

Померания. Одна из прусских провинций. Рядом Балтийское море. Столица Померании – город Штеттйн.

В 1729 году в Померании, в городе Штеттине, у принца Христиана Августа Ангальт-Цербстского и принцессы Иоганны Елизаветы Голштинской родилась девочка.

Стали думать, как же её назвать.

– Марта.

– Мартина.

– Гизелла.

– Брунгильда.

– Крумгильда.

– Эрна.

У девочки было три тётки: Софья, Августа, Фредерика. Решили родители в честь тёток назвать девочку сразу тройным именем. Стала она Софья Августа Фредерика.

Вскоре оказалось, что неудобно такое длинное имя. Укоротили его родители. Стали девочку называть коротко, звонко – Фике.

– Фике! Где ты, Фике?!

– Фике, беги сюда!

Когда девочка чуть подросла, подумали мать и отец, что хорошо бы узнать, какая будет судьба у Фике. Повели девочку к предсказателю. Посмотрел тот внимательно на Софью Августу Фредерику.

– Вытяни правую руку вперёд.

– Поверни вверх ладошкой.

– Вытяни левую руку вперёд.

– Поверни вверх ладошкой.

Долго что-то изучал предсказатель. Потом обратился к родителям и указал на одну из ладошек девочки.

Глянул принц. На ладошке дочери была изображена корона.

– Корона!

Глянула принцесса:

– Корона!

– Быть ей счастливой, – сказал предсказатель. – Вижу судьбу необычайную.

Возвращались принц и принцесса домой. Задумчиво смотрели на девочку. Что же ожидает Софью Августу Фредерику?

На руке – корона!

«Я буду старшей!»

Однажды родители подарили Фике куклу.

– Какая прелесть! – сказала мать.

– Глаз не оторвёшь! – произнёс отец.

– Играй, наслаждайся, Фике.

Однако не любила Софья Августа Фредерика кукол. Совсем другие забавы на уме у девочки.

Завела она из штеттинских дружков-мальчишек ватагу. Стали решать, кому быть старшим.

– Я буду старшей! – сказала Фике.

Заупрямились мальчишки:

– Пусть будет старшим Ганс!

– Пусть будет Карл!

– Фридриха, Фридриха в старшие!

– Нет, я буду старшей, – упрямо сказала Фике.

Добилась всё же она своего.

Подчинились мальчишки.

Строит их Фике:

– Налево!

– Направо!

– Кругом!

– Бегом!

Разделит Фике мальчишек на две группы. Начинают мальчишки бой.

– Смелее! Смелее! – командует Фике. Хлещут, мутузят друг друга мальчишки.

Градом летят удары.

– Хватит! – наконец командует девочка. Перевели мальчишки дух. В круг на траве расселись.

Однако не сидится Фике без дела. Придумала новую забаву. Вот они лихие разбойники. Окружили какую-то старушку.

– Выкуп! Выкуп! – кричат мальчишки.

– Какой ещё выкуп! – возмутилась старушка.

– Пять талеров! Пять талеров!

Еле отбилась от них старушка:

– Прочь, сорванцы, канальи!

Отпустили они пленницу. Снова на траву бухнулись.

Однако не сидится Фике без дела. Ищет, чем бы теперь заняться. И вот… То в чужой сад заберётся она с мальчишками, то начинает игру в заморских купцов или в отважных рыцарей.

Не скучно мальчишкам с Фике.

Нравится им Фике.

Невеста

Фике исполнилось пятнадцать лет. Пора думать о женихе для молодой принцессы.

В России в это время царствовала императрица Елизавета. Была она дочерью царя Петра I. Однако у самой Елизаветы детей не было. Детей не было, но была сестра Анна, тоже дочь Петра I. Анна была замужем за герцогом Голштинским Карлом Фридрихом. Родился у них сын, которого назвали Карлом Петром Ульрихом. Вскоре Анна скончалась. Тогда Елизавета пригласила племянника в Россию. Его она решила сделать своим наследником, передать после своей смерти царскую власть.

Приехал Карл Пётр Ульрих в Россию.

Глянула Елизавета:

– Петруша!

Получил он русское имя Пётр. А отчество ему дали – Фёдорович.

Подрос Пётр. Стало ему пятнадцать лет. Пора думать о невесте для Петруши.

Чего тут думать: есть же Фике.

О Фике уже знали во многих столицах Европы: мол, есть такая невеста – умна, озорна, красива.

В Померанию пришло письмо из Петербурга. Елизавета потребовала прислать портрет Софьи Августы Фредерики.

Завертелось всё в доме принца Христиана Августа Ангальт-Цербстского. Срочно вызвали известного художника. Посадили перед художником Фике.

Рисует художник.

Не сидится спокойно Фике. Отвлекается. Вертится.

Командует художник:

– Не шевелись!

– Прямее сиди!

– Улыбнись!

Не сидится спокойно Фике.

Намучилась Фике. Намучился художник. Однако портрет готов.

Намотали портрет Фике на деревянную палку. Послали в Петербург Елизавете.

Посмотрела Елизавета, произнесла:

– Подойдёт. Годится.

Ждут в Померании петербургского ответа.

Вспомнила Фике про гадание на руке. Подносит к глазам ладошку. На ладошке корона светится.

Едет

Зима. Январь. Снега нет. Колючий ветер бежит по полю. Тащится карета. За ней вторая. Третья, четвёртая. В каждую карету впряжено по шесть лошадей.

Прибыл каретный поезд в город Шведт на Одере.

– Кто такие?

– Зачем?

– Куда?

– Графиня Рейнбек. В Россию.

Прибыли в город Берлин.

– Кто такие?

– Зачем?

– Графиня Рейнбек. В Россию.

Прибыли кареты в прибалтийские земли, в города Ме́мель, затем в Мита́ву.

– Кто такие?

– Зачем?

– Куда?

– Графиня Рейнбек. В Россию.

В первой карете сидят Фике – София Августа Фредерика – и её мать, принцесса Голштинская Иоганна Елизавета. Фике – это и есть графиня Рейнбек. Везут принцессу в Россию под вымышленным именем. Считают, что так надёжнее.

Бегут, бегут лошади. А рядом бегут леса. Бегут поля. И сползают холмы в низины.

Всё интересно Фике. И как налетит, как прошумит в соснах высоких ветер. И как где-то в лесной чащобе провоет волк. И как над самой каретой прохлопает крыльями филин.

В России кареты сменили сани. Сани, в которых везут померанских принцесс, особые. Царские. Их специально прислала Елизавета.

Сани крытые. Цвета ярко-ярко-красного. Двери отделаны серебром. Внутри сани обиты куньим мехом. Под ногами тоже лежат меха. На сиденье – мягкие перины, шёлковые подушки. Одеяла в санях для каждого. Они тоже подбиты мехом.

Поражается Иоганна Елизавета, принцесса Голштинская, богатству царских саней, шепчет дочери:

– У царицы Елизаветы пятнадцать тысяч платьев!

– У царицы Елизаветы пять тысяч пар башмаков!

Спешит санный поезд, торопится.

В сани вместо шести впрягли теперь сразу по шестнадцати лошадей. Это тоже приказ Елизаветы.

Сидит, словно царь на троне, на козлах придворный кучер.

– Но-о-о, милаи!..

Несутся кони. Лишь снежная пыль столбом.

Мчат по просторам России сани. К принцу принцесса едет.

Фике изучает русский язык

– Кошка.

– Собака.

– Изба.

– Труба.

– Луна, – повторяла Фике.

– Санки.

– Карета.

– Солдат.

– Зима.

Фике изучала русский язык.

Довольна Елизавета принцессой Фике. Впрочем, Фике теперь не Фике. Померанская принцесса получила русское имя. Стала она Екатериной. По отчеству – Алексеевной.

Приблизился день свадьбы.

Накануне свадьбы, по русскому обычаю, царица Елизавета пригласила невесту в русскую баню.

Русская баня – мечта и сказка.

Смотрит Екатерина: скамья, полка-лежанка. Котёл с кипящей водой. Бочка с водой холодной. Раскалённые, лежащие горкой камни. Бочка с мятным настоем. Берёзовый веник. Ещё один веник. Лохань. Бадейка.

Схватила Елизавета бадейку. Зачерпнула холодной воды из бочки.

– Держись, Катерина!

Плеснула водой на раскалённые камни. Обдало невесту жаром.

– Ой! – вскрикнула Екатерина.

– Привыкай! Привыкай! Становись русской.

Ещё раз плеснула Елизавета водой на камни. Чуть не задохнулась бедная Екатерина.

– Что немцу – труба, русскому – чудо! – смеётся Елизавета.

Не понимает Екатерина, что за слова такие: труба и чудо. Однако в ответ улыбается.

«Молодец, держится!» – довольна царица.

Потянулась Елизавета за берёзовым веником. Себя по бокам, по плечам похлопала. Показала Екатерине на лавку.

Легла Екатерина. Провела Елизавета берёзовым веником по спине невесты. Потом взлетел веник ввысь. Опустился. Взлетел. Опустился. Хлещет Елизавета девушку веником, приговаривает:

– Слушайся мужа! Слушайся мужа!

Опустила веник в бочку с мятным настоем. Снова берёзовый веник заходил по спине невесты.

– Люби Россию! Люби Россию! Становись русской!

В день свадьбы посадили Екатерину в карету. Повезли на венчание в Казанский собор. Едет карета, а слева и справа стоят солдаты. Честь отдают невесте.

Обвенчали Петра и Екатерину. Стали они мужем и женой.

Когда выходили новобрачные из собора, с Невы, с кораблей, торжественным салютом ударили пушки. И тут же следом во всех соборах, во всех концах Петербурга пропели им здравицу церковные колокола.

Повезли молодых в Зимний дворец.

А на улицах города для горожан, для народа были приготовлены всякие бесплатные угощения. Ломились столы от еды и сладостей. Прогибались столы под тяжестью.

И совсем незабываемое. Рядом с Зимним дворцом, там, где начиналось Адмиралтейство, вдруг забил роскошный фонтан. Присмотрелись люди: не вода – вино из фонтана хлещет.

Кончилась весёлая свадьба. Проснулась утром Екатерина. Ходит по комнате:

– Бочка.

– Веник.

– Лохань.

– Бадейка.

– Солнце.

– Воздух.

– Семья.

– Весна.

Русский язык изучает Екатерина.

Русскую жизнь изучает Екатерина

Приняла Екатерина православие. Стала ходить по русским церквам и молиться Богу.

Смотрят другие прихожане. Шепчутся:

– Бьёт Господу Богу поклоны.

Смотрят. Передают друг другу:

– По-православному крестится.

Стала Екатерина изучать русскую кухню: что на Руси готовят, что едят, что пьют.

Узнала, что такое сбитень. Объясняют Екатерине: сбитень – это горячий напиток. Приготовляется он из воды и мёда. Добавляются в него всякие ароматные травы.

Узнала, как готовится борщ «боярский».

– Много мяса надо в него положить: и свиного мяса, и говядину, и курятину, – объясняют Екатерине. – Много мяса – потому и «боярский».

Узнала, как печётся лепёшка «русская», как варится уха «архиерейская».

Узнала, что такое закуска «зайчик». Поражалась Екатерина. Оказалось, закуска называется «зайчик» не потому, что приготовляется она из заячьего мяса. Закуска как раз из овощей, главным образом из моркови.

Смеётся Екатерина:

– «Зайчик» – это значит, чтобы кушал закуску зайчик.

Принялась Екатерина русские песни разучивать, стала русские сказки слушать. Наряды русские надевать.

– Хочу быть русской, – говорила Екатерина.

Нравились Екатерине игры и приметы народные. Боялась чёрных кошек, зайца, который перебегал дорогу, тётку, что повстречалась с пустым ведром.

В русские салки играла Екатерина, в жмурки играла, в догонялки бегала.

Лето. Отправляются русские люди в леса по грибы, по ягоды. Берёт Екатерина лукошко. Лесную добычу домой приносит.

Осень. Призывно трубят рога. В самом разгаре охота русская. Вместе с охотниками Екатерина. Сидит по-мужски в седле. Мчит за зверем в бешеной скачке.

Зима. Начинаются снежные игры. Санки. Снежки. Снежные крепости. Летят с горки как ветер санки. Штурмуют озорники ледяные крепости. Бросают друг в друга снежки. Весело всем, забавно. Веселится со всеми Екатерина.

Весна. Просыпаются реки, озёра. Листочки на берёзах, на клёнах брызнули. В сарафан русский одевается Екатерина.

– Здравствуй, весна-красавица!

Довольна царица Елизавета.

Двуглавый орёл

Не заладилась семейная жизнь у Петра и Екатерины. Не получилась.

С детских лет не играла Екатерина в куклы. Не терпела их. Ненавидела.

А тут… В первый же день женитьбы достаёт вдруг Пётр огромную куклу. Говорит жене:

– Поиграем.

Поразилась Екатерина. Наследник престола – и кукла! Однако что же делать, стала играть. Не будешь же из-за куклы ссориться с мужем. Будь ты проклята, эта кукла!

Затем затеял Пётр игру в оловянных солдатиков. Утро. Чуть свет. Екатерине спать хочется. А тут вдруг на всю спальню:

– Подъём!

Начинает Пётр утренний развод своего оловянного войска.

– Шагом марш!

– Бегом!

Приходят лакеи. Приносят железные листы. Бьют в листы, как в барабаны. Начинается страшный гром. Это как бы стрельба из пушек.

Затыкает Екатерина уши. Будьте вы прокляты, эти игры!

Надоели вскоре Петру оловянные солдатики. Ищет что-то другое. Что-то живое.

Завёл свору собак. Обучает теперь их военному делу:

– Становись!

– Ложись!

– Хвостом наперёд повернись!

Для непослушных завёл шпицрутены. Сыплются на несчастных собак удары.

От собачьего воя голова у Екатерины кругом.

Разными людьми оказались Пётр и Екатерина.

Во многом у них несогласие. Тянулась Екатерина к русской жизни. Приглядывалась к русским порядкам, нравам. Пётр, чуть что, вспоминает свою немецкую родину:

– Вот у нас! Вот в Голштинии!..

– В Голштинии мёд слаще.

– В Голштинии хлеб вкуснее.

– Лучший край на земле – Голштиния!

Измучил Пётр Екатерину своей Голштинией.

Вскоре у молодых супругов родился сын. Назвали мальчика Павлом. Однако появление сына не сблизило родителей.

Всё дальше Екатерина от Петра. Всё дальше Пётр от Екатерины.

Как север и юг. Как вода и огонь. Как двуглавый орёл. В противоположную сторону каждая голова смотрит.

Русская армия шла в поход

Тра-та-та! Тра-та-та! – отбивали дробь барабаны.

Русская армия шла в поход. Началась война между Россией и Пруссией.

Прусским королём в то время был Фридрих II Великий. Слыл он рассудительным королём и удачливым полководцем. Прусская армия считалась чуть ли не лучшей в мире.

Хвалились жители Пруссии:

– Прусская армия всех побьёт!

– Король Фридрих любого к стене прижмёт!

Не побоялась Елизавета хвалёного прусского короля.

Тра-та-та! Тра-та-та! – бьют барабаны.

Русская армия шла в поход. Это была большая война. Помимо Пруссии и России в ней участвовали и другие страны. Она продолжалась семь лет и в истории получила название Семи летней.

Мечтал Фридрих II о победах. Однако неудачно началась для него война. В одном из первых же сражений прусские войска были разбиты. Сам Фридрих позорно с поля боя бежал.

Вскоре русские солдаты вступили в столицу Пруссии, город Берлин.

Траур пришёл на немецкие земли. Пруссию ожидало полное поражение.

Только чудо могло спасти Фридриха II.

Чудо!

И чудо пришло.

Императрица Елизавета, пославшая в Пруссию русские войска, заболела. Ей становилось всё хуже и хуже. Прошло несколько дней, и она умерла.

Русским царём стал Пётр III. Переменилось вдруг всё резко на русской земле. Пётр не любил Россию. Любил всё немецкое. Пруссию. Фридриха. И, конечно, свою Голштинию.

Одним из первых распоряжений Петра III был приказ прекратить войну с Пруссией.

Берлин был возвращён Фридриху II.

Русские войска возвратились в Россию.

«Достань воробушка»

По улицам Петербурга мчится карета. На козлах – не бородач ямщик, не степенный холёный кучер. На козлах сидит офицер гвардейский.

Могуч. Молод. Красив офицер. Ростом до неба. Ростом – «дядя достань воробушка». Мчатся как стрелы кони.

– Встречный! Прохожий! Посторонись!

Перебирают колёса землю.

– Встречный! Прохожий! Посторонись!

Несётся карета как вольный ветер.

– Встречный! Прохожий! Уйди с дороги!

Едет в карете Екатерина. Теперь называют её царицей.

По-прежнему Екатерина часто посещала русские церкви. Приезжала:

на Рождество,

на Пасху,

на Святки,

на Сретенье,

на Успенье,

на Вербное воскресенье, на другие церковные праздники.

Вместе со всеми молилась Богу.

Как-то снова Екатерина была в соборе. Закончилась служба. Вышла Екатерина из церкви.

Вот – карета. Вот – лошади. Вот – царский кучер.

Села Екатерина в карету. Взял кучер важно поводья в руки. Тронется сейчас карета.

И вдруг.

Видит Екатерина: подбегает к карете гвардейский офицер. Молод. Могуч. Красив офицер. Ростом до неба. Ростом «дядя достань воробушка».

Подлетел офицер к козлам, к царскому кучеру, крикнул:

– Русскую царицу может возить только гвардейский офицер!

Дёрнул он кучера. Скинул с кучерского сиденья. Сам мигом взлетел на козлы. Схватил поводья:

– Но!

Тронулись лошади.

– Но-о!

Ускорили лошади шаг.

– Но-о-о!!! – Поднял офицер кнут, опустил на лошадиные спины.

Рванули лошади. Помчали по улицам Петербурга.

Несётся карета.

– Встречный! Прохожий! Посторонись!

– Встречный! Прохожий! Уйди с дороги!

Подлетела карета к Зимнему дворцу. Спрыгнул гвардейский офицер с козел. Подбежал к дверке кареты. Открыл.

– Ваше величество, прошу!

Вышла Екатерина из кареты. Ещё раз глянула на офицера. Могуч. Молод. Красив офицер. Ростом до неба.

– Как звать? – спросила Екатерина.

– Григорий Орлов, – гаркнул в три горла «достань воробушка».

Заговор

Пётр III не только заключил мир с Пруссией, но и решил вступить с ней в военный союз. В случае войны он готов был подчинить прусскому королю и русские войска.

Фридрих II в благодарность присвоил Петру III звание генерал-лейтенанта прусской армии. С радостью принял его Пётр III. Часто надевал прусский военный мундир. Гордился таким вниманием.

Многие в России были недовольны такими поступками Петра III. Особенно в армии. Особенно в гвардии.

– Нам быть в подчинении у битого Фридриха!

– На нашем императоре – прусский мундир!

– Если так, то не надо царя такого.

Кто-то увидел на руке Петра III перстень.

В перстне – портрет Фридриха.

Снова ропот идёт в войсках:

– Носит портрет прусского короля! Фридрих II готовил войну против Дании.

Потребовал прусский король, чтобы Россия стала его союзником. Пообещал Фридрих II, что получит Россия за это Голштинию. Обрадовался Пётр – Голштинию!

А кому в России нужна война с Данией? И кому нужна Голштиния?! На краю света и Дания и Голштиния от России.

И все же Пётр III отдал приказ: готовить войска к походу. Забушевала русская армия. Особенно гвардия. До Екатерины дошли невероятные слухи. Среди гвардейских офицеров зреет заговор против Петра III.

Лучшая подруга – молодая княгиня Екатерина Дашкова рассказала об этом Екатерине.

Насторожилась Екатерина. Понимает, что многие в России недовольны Петром III. Но такое чтобы – заговор!

– Заговор… заговор, – повторяет Екатерина Дашкова. – Это точно.

– Кто же столь дерзкий?

– Григорий Орлов, – назвала Дашкова. Вспомнила Екатерина молодого офицера, который вёз её тогда так лихо из церкви.

– Ах так!

– Его брат – Алексей Орлов, – продолжает княгиня Дашкова. – Братья Григория и Алексея – Иван, Фёдор, Владимир Орловы.

Орловых было пять братьев. Все они красавцы. Смельчаки. Богатыри. Саженного роста каждый.

Продолжает Екатерина Дашкова называть имена:

– Капитан Пассек, камер-юнкер Василий Бибиков, вахмистр Григорий Потёмкин, братья майор и капитан Рославлевы…

Затем тише:

– Адмирал Талызин.

Ещё тише:

– Князь Михаил Волконский.

Совсем шёпотом:

– Гетман граф Кирилл Разумовский…

Поражается Екатерина. Невольно спросила:

– Кто же вместо Петра?

– Ты, Катя! – без запинки ответила Екатерина Дашкова.

Зарделась кумачом Екатерина. Как ни крепилась, по-женски вскрикнула:

– Боже!

Вскоре к Екатерине обратились и сами заговорщики.

Колеблется Екатерина.

– Катя, решайся! – шепчет Дашкова.

Колеблется Екатерина. А сама к глазам поднесла ладошку. На ладошке корона видна.

– Катя, решайся! Решайся, Катя!

Решилась Екатерина.

Задыхаются в беге кони

1762 год. Последние дни июня. Заколосилась на поле рожь. Пчёлы гудят над лугом.

Знаменитый Петергоф – одно из замечательных мест под Петербургом. Берег моря. Чудесный парк. Монплезир – летний домик в тени деревьев.

В Монплезире в те дни жила Екатерина.

Ораниенбаум – тоже одно из прекрасных мест под Петербургом. Тоже море. Чудесный парк. Царский дворец.

В Ораниенбаумском дворце находился в те дни император Пётр III.

Раннее утро. 28 июня. В Петергофе к Монплезиру подкатила карета. Приезжий быстро направился в дом. Это гвардейский офицер Алексей Орлов. Потребовал он, чтобы пропустили его в комнаты Екатерины:

– Пора вставать. Всё готово.

Очнулась ото сна Екатерина.

– Всё готово. Пора вставать!

Собралась быстро Екатерина. Села в карету. И тут…

– Арестован Пассек, – сказал Орлов.

Побледнела Екатерина. Капитан Пассек – один из главных участников заговора. Всем грозило разоблачение.

– Всё нормально. Нормально, – твердит Орлов. – В быстроте наш успех.

В Петербурге ждут Екатерину войска и восставшие офицеры.

Ударил Орлов лошадей. Мчит в Петербург карета. Раннее утро. Несутся кони. А в это время в Ораниенбауме в царском дворце спит, не чуя беды, Пётр III.

Мчатся кони. Несутся кони. Задыхаются в страшном беге.

Загнал лошадей Алексей Орлов. Остановились они. Хлещет Орлов их кнутом. Понукает словами-громами. Ни с места лошади.

До Петербурга оставалось пять вёрст. Неужели провал всему?! Забилось тревожно сердце Екатерины.

И вдруг. Как из-под земли появилась рядом с каретой Алексея Орлова другая карета. Смотрит Екатерина: как тогда у церкви, на козлах – Григорий Орлов!

Пересела Екатерина в другую карету. Кони сытые, отдохнувшие. Взяли галопом кони.

Мчит в Петербург карета. Раннее утро. Спит в Ораниенбауме, не чуя беды, император Пётр III.

И вот Петербург. Казармы Измайловского полка. Всё верно. Готовы здесь к встрече Екатерины. Стоят солдаты. Стоят офицеры.

– Ура! Ура-а! – гремит в честь Екатерины.

Появляется батюшка. Приводит священник солдат к присяге. И снова:

– Ура! Ура-а!

– Быстрее, быстрее! – торопит Екатерину Григорий Орлов.

Снова они в карете. Мчит карета к казармам гвардейского Семёновского полка. И здесь всё готово к встрече Екатерины.

И здесь гремит в её честь:

– Ура! Ура-а!

Спит в Ораниенбауме Пётр III.

– Быстрее, быстрее! – вновь торопит Екатерину Григорий Орлов.

К солдатам гвардейского Преображенского полка, к другим солдатам торопится Екатерина.

Переоделась к тому времени Екатерина. На ней – военный гвардейский мундир. Сидит она верхом на белом рослом коне. Конь по-царски ступает, важно.

Проснулся в Ораниенбауме Пётр III. Узнал он о восстании гвардейских полков в Петербурге. Спохватился. Да поздно.

Признали гвардейские полки Екатерину новой императрицей.

– Ура! Ура! – не умолкая кричат солдаты.

Пришлось Петру III отказаться от русского престола. По его просьбе разрешили ему поселиться под Петербургом, в Ропше. Прошло несколько дней, и страшная весть из Ропши – бывший император скончался.

Однако не сам скончался Пётр III. Его убили. Гвардейские офицеры.

Екатерина надела траур.

Глава вторая
Просыпайся! Вставай, Россия!

Губернии

Обступили Екатерину II бесчисленные заботы. Дела внутренние. Дела иностранные. Дела военные, торговые, строительные, судебные, сиротские, попечительские… Горы и горы различных дел.

Россия – страна большая. Управлять трудно.

При Петре I Российское государство состояло из восьми губерний. Многое с тех пор изменилось. Людей в стране прибавилось. Дел увеличилось. Шире торговля стала. Строятся новые города. Открываются новые школы, больницы. Больше заводов, шахт, рудников в России. Всем управлять нужно.

Мало в России губерний. Устарело деление старое. Неудобно от этого жителям.

Живёт человек в городе Ярославле. А главный губернский город – Архангельск. Тащись за какой-нибудь ерундовой бумагой-справкой в Архангельск, к самому Белому морю, за тысячу вёрст от дома.

Или построен новый завод в городе Вятке. А главный губернский город – Казань. Вот и плетись по любому заводскому пустяку за сотни вёрст в Казань сиротой казанской.

Или завёл человек торговое дело в Смоленске. А главный губернский город – Рига. Вот и мчись по разным торговым вопросам-запросам через всю Россию к Балтийскому морю, в Ригу.

Так и в других местах. Полжизни тратится на дорогу.

Но это ещё не всё. Во главе старых губерний стояли воеводы. Со всеми делами, со всеми бумагами иди к воеводе. Он всему здесь и бог и царь.

Не поспевают за всем воеводы. Тянутся губернские дела месяцами, годами.

Понимает Екатерина: менять надо многое.

Начала с губерний. По её указу стало их теперь пятьдесят. Затем принялась за воевод. Ограничила их единоличную власть. Образовала в губерниях разные служебные ведомства – учреждения. Одни из них занимались школами, другие – делами судебными, третьи – дорожными, четвёртые – почтовыми… Даже должность воеводы уничтожила Екатерина. Появились вместо них наместники. Стали они затем генерал-губернаторами.

Хорошо получилось. Город губернский – рядом. Начальство близко. Куда, к кому, в какое учреждение обращаться – ясно.

Не надо из Ярославля ехать теперь в Архангельск, из Вятки в Казань тащиться, из Смоленска – в далёкую Ригу.

Екатерина II даже написала специальную книгу. Называлась она «Учреждение о губерниях».

«Наказ»

Кроме «Учреждения о губерниях» Екатерина II написала и ещё одну книгу. Называлась она «Наказ».

В этой книге царица рассуждала о том, каким должно быть в её время Российское государство. Какие должны быть в нём законы.

О многом писала Екатерина II.

О том, что государство должно быть справедливым. «Лучше простить десять виновных, – считала Екатерина, – нежели наказать одного невинного».

Писала о том, что главное, о чём должен заботиться правитель государства, – это народ. «Не народ существует для меня, но я существую для народа».

Екатерина II горячо защищала царскую власть в России. «Лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим».

Были в книге и другие предложения и мысли Екатерины II.

Для обсуждения своих предложений и принятия новых законов России Екатерина II решила собрать в Петербурге разных представителей от населения.

Подсказывают Екатерине:

– Не забудьте купцов.

– Не забудьте крестьян.

– Дворян, дворян не забудьте.

– Не забудьте священнослужителей.

– Не забудьте…

Не забыла Екатерина II ни дворян, ни купцов, ни крестьян, ни священнослужителей…

Приехали представители в Петербург.

Долго обсуждали «Наказ» Екатерины II, долго спорили о новых законах России.

Прошёл год – обсуждают «Наказ».

Прошло два – обсуждают «Наказ».

Прошло три года – всё спорят народные представители о новых законах России.

Идёт седьмой год – не утихают споры.

Не ждала покорно Екатерина II, пока завершатся споры. Правила страной по тем законам, которые сама правильными считала. Первый из этих законов – царская власть в России.

Перепись

Было это в деревне Ивановке. Влетел в избу Санька:

– Идут! Идут!

– Кто идёт?

– Солдаты.

Вбежала в избу Варька. Было это в селе Семёновке.

– Идут! Идут!

– Кто идёт?

– Солдаты.

Решила Екатерина II произвести в России перепись населения. Узнать, сколько в России жителей.

Выделили чиновники счётчиков-переписчиков, придали им воинские команды, отправили по разным местам России.

Явились такие команды и в сёла Ивановку и Семёновку. Санька и Варька первыми весть принесли о солдатах.

Перепугались крестьяне – пришли солдаты! Хорошего от военных не жди. Видать, недоброе будет дело. Разбежались люди по лесам и оврагам.

Достали счётчики свои бумаги. А считать и переписывать, оказывается, некого. Остались в сёлах лишь малые дети да немощные старики.

– А где все остальные? – спрашивают переписчики.

Молчат дети и старики.

И Санька молчит.

И Варька молчит.

Не говорят, где попрятались взрослые.

Вернулись переписчики из Ивановки и из Семёновки ни с чем. И из других мест с пустыми руками приехали.

– Разбегаются крестьяне, – доложили они пославшим их чиновникам.

А те доложили тем, кто их выше, а те – тем, кто и этих выше.

Дошёл наконец доклад до Екатерины II:

– Разбегаются крестьяне, матушка. Говорят, недоброе это дело.

– Дело-то доброе, – ответила Екатерина. – А солдат-то зачем послали?

– А как же! Как без солдат? Для порядка. Для веса.

Рассмеялась Екатерина:

– Да я бы тоже солдат испугалась! Спряталась.

Отменила она солдатские команды. Отменила и приезжающих переписчиков. Наказала, чтобы подсчёт людей производили местные жители.

Хорошо получилось. Крестьяне и не заметили, как произошла перепись.

Насчитали в России семнадцать миллионов человек!

Улыбается Екатерина:

– Море!

Деньги

Не было до Екатерины в России бумажных денег. Ходили деньги металлические. Делали их из золота, из серебра, из меди. Хороши, надежны такие деньги. Но есть недостаток. Тяжелы. Карман отвисает. Кошель отвисает. Если большая покупка, денег чуть ли не пуд неси. На телеге, в санях вези.

И удобны и неудобны они в обращении.

В других странах уже были деньги, изготовленные из бумаги.

Заявила Екатерина:

– Надо и нам завести такие.

Всполошились богатые люди:

– Как?! Золото поменять на бумагу!

– Серебро – на бумагу!

– Медь – на бумагу!

– Не хотим!

– Пусть останется всё по-старому.

Не получилось у Екатерины II с заменой денег.

Прошло несколько лет. Быстро развивалась при Екатерине II в России торговля. Ездят купцы по стране из конца в конец. Неудобны, громоздки деньги, сделанные из металла. Вновь заговорила Екатерина II о деньгах бумажных. Придумали для них и название – ассигнации.

Однако снова богатые люди:

– Не хотим ассигнаций.

– Обжулят. Обманут.

– Где это видано, вместо золота – клок бумаги!

– Пусть останется всё по-старому.

Ходят в России по-прежнему старые деньги.

Прошло ещё несколько лет. Всё больше и больше в стране сложностей из-за этих громоздких денег.

Не стала Екатерина II теперь слушать чужих советов. Распорядилась ввести в России бумажные деньги.

С той поры и ходят они в России. Даже были деньги, которые назывались «екатерининки».

Картошка

Невзлюбил Антошка картошку. Угостил Антошку картошкой приятель Гошка. Притащил Гошка как-то что-то небольшое, круглое.

– Земляное яблоко! Земляное яблоко! – закричал.

Попробовал Антошка картошку:

– Тьфу!

Невзлюбили картошку Матрёна и Иона. Матрёна и Иона – мать и отец Антошки.

Угостил Матрёну и Иону картошкой сосед Иуда.

– Земляное яблоко! – объяснил.

Попробовали Матрёна и Иона картошку:

– Тьфу.

Невзлюбил картошку старик Передрей. Старик Передрей – дед Антошки. Угостил Передрея картошкой одногодок его, Еремей.

– Земляная ягода! – объяснил Еремей.

Попробовал дед Передрей картошку:

– Тьфу!

До Екатерины II в России не все знали, что же такое картошка.

Удивилась Екатерина II:

– Не едят картошки!

Приказала она закупить, привезти картошку в Россию. Сопротивлялись многие. Не нравилась многим картошка. Однако Екатерина была настойчивой. Приказала землю копать и сажать картошку. Даже кое-где применила силу. Появились картофельные поля в России. С годами их становилось всё больше и больше. Появились грядки с картошкой и в огороде у родителей Антошки.

Привыкали к картошке постепенно.

Картошка ныне – русское чудо. Картошка жареная, картошка отварная, картошка печёная. Картофельное пюре…

Пироги с картошкой, картошка с капустой, с огурцами, с грибами. Картофель фри.

Всюду в России ныне растёт картошка. Всюду картошку любят.

Спасибо за картошку Екатерине.

Преступление и наказание

Вот какие наказания за воровство в те времена были. Федька Рябой попался на мелкой краже. Стащил у соседа утицу.

Побили соседи Рябого Федьку. На этом дело и кончилось.

Не одумался Федька. Ищет по-прежнему лёгкой жизни. Украл у другого соседа шубу. Стоила шуба двадцать рублей (большие деньги по тем временам). За кражу предмета в такую стоимость уже полагалось тюремное наказание. Схватили Федьку, посадили в «работный дом», то есть в тюрьму по-нашему. По приговору суда. Находясь в тюрьме, Федька должен был заработать двадцать рублей и вернуть их хозяину шубы. Сидит Федька Рябой ночью в тюрьме под стражей, а днём гоняют его на работу. Работа бывает разная: деревья в лесу валить, канавы рыть, на баржи мешки грузить.

За каждый день работы Федька получает по пять копеек. Господи, сколько же должно пройти этих дней, чтобы Федька оказался опять на свободе!

День за днём. День за днём. Заработал он двадцать рублей. Вернули деньги хозяину.

– Уф! – вздохнул облегчённо Федька.

Отпустили его домой.

Прошло какое-то время. Мирно, без воровства жил Федька. Однако вскоре забылись тюрьма и подневольный труд. Снова за старое взялся Федька Рябой. Украл он у какого-то богатого купца разных вещей сразу на сто рублей. А за такую кражу (если стоимость украденного была более двадцати рублей) уже полагалось другое, более суровое наказание.

Схватили Федьку. Прежде всего хорошенько избили.

– Не попадайся в третий раз!

– Не попадайся в третий раз!

Затем бросили Федьку в тюрьму. Опять он должен был работать до той поры, пока не вернёт хозяину деньги. День – пять копеек. День – пять копеек… Капают, капают эти копейки. Нет числа ни часам, ни дням.

Промучился Федька, пробыл в тюрьме несколько лет.

Но вот настал день освобождения. Собрался Федька. Говорит тюремщикам:

– Ну, до свидания!

– Нет, стой, – отвечают тюремщики. – Это ещё не всё.

– Как не всё?! – возмутился Федька. – Срок отсидел. Деньги вернул.

– Это ещё не всё, – повторили тюремщики.

Схватили они Федьку. Бросили на лавку. Стянули штаны. Взяли кнуты. Взлетели кнуты над Федькой.

– Вот тебе за третий раз. Вот тебе за третий раз, – приговаривают истязатели. – Запомни. Запомни…

Чуть ли не до смерти забили они Федьку Рябого.

– Вот теперь всё. Ступай. А если попадёшься ещё раз – будет тебе могила.

Испугался могилы Федька. Перестал воровать. Так-то жить надёжнее.

Рассказали Екатерине II о суровом русском судебном законе. Бумагу специальную даже показали. Согласилась императрица. Написала на бумаге: «Пусть будет так».

Прививка

Плохо было в России с медициной в прошлые времена. Не щадили людей разные болезни. Часто болезни бывали страшные: холера, чума, оспа.

В годы царствования Екатерины II снова оспа пришла на русские земли. Погибли тысячи людей.

Тревожило это императрицу. Знала она, что в зарубежных странах найдено лекарство – вакцина для борьбы с оспой. Сделай прививку от оспы – и минует тебя болезнь.

Решила Екатерина II пригласить к нам в страну иностранных врачей. Пусть привезут вакцину. Пусть начнут её прививать жителям России.

– Да что ты, матушка, – говорят приближённые. – Россия – страна огромная. Не напасёшься на всех вакцины.

– Так ведь столько людей умирает!

– Не печалься, матушка, – опять говорят Екатерине. – В России людей много. Помрёт половина, и то не заметишь.

И всё же приехали в Россию иностранные доктора.

Распорядилась императрица начать прививки как раз со своих приближённых, с тех, кто часто бывает в Зимнем дворце.

А кто часто бывает в Зимнем дворце? Графы, князья, камергеры, статс-дамы, важные генералы.

– Вот с них и начнём, – сказала Екатерина II.

Узнали приближённые, взмолились:

– Матушка, пожалей!

Боялись разных прививок тогда в России.

– Так ведь это же лекарство, вакцина, – объясняет Екатерина II.

– Не надо лекарства, – твердят приближённые. – Наши предки без этой вакцины жили. Проживём и мы.

– Не позволю. Лучше умру! – сказала графиня Добужинская.

– Не допущу! Лучше сойду в могилу, – сказал камергер Прозоровский.

– Уволь, матушка, – заявил генерал Оглоблин-Саблин.

Не отступилась Екатерина. Назначила она специальный день для прививок. Приказала быть всем: и старым, и молодым, и простуженным, и здоровым. Смирились приближённые. Съехались они в назначенный день в Зимний дворец. Стоят хмурые. На докторов как змеи, как волки смотрят.

– Ну, кто первый? – спросила Екатерина.

Нет желающих быть первым.

– Кто первый? – повторила Екатерина.

Снова гробовое молчание. Ясно Екатерине II – не находится смелый. С детства Екатерина была решительной. Сделала шаг к докторам, оголила руку:

– Прошу, приступайте.

Зажмурились приближённые. Страшно!

Сделали доктора прививку Екатерине II.

Улыбается Екатерина. Жива. Здорова.

Осмелели теперь приближённые. Вышла вперёд графиня Добужинская. Перекрестилась:

– Пронеси, Господи!

Вышел вперёд камергер Прозоровский. Перекрестился:

– Прости грехи прошлые!

Вышел вперёд генерал Оглоблин-Саблин. Перекрестился. Обратился к Екатерине II:

– Благослови, матушка.

Благословила генерала Оглоблина-Саблина Екатерина.

После Петербурга разъехались доктора по разным местам России. Хотя и здесь не всё сразу гладко пошло. Были и страхи. Были и слёзы. Однако постепенно успокоились люди. Утёрли слёзы. Пропали страхи. Неслось по России:

– Не трусь. Не робей. Сама матушка императрица первой прививку сделала.

Архангельский лес

Граф Александр Шувалов был одним из богатейших людей России. На одном только Урале несколькими заводами владел Шувалов. Принадлежали ему на Севере и огромные угодья архангельского леса. Лес стройный, высокий. Сосны и ели. Ели и сосны. Как гвардейцы в строю стоят. Для дел мореходных отличный лес. Отличный для дел строительных.

Отправлял Шувалов свой лес за границу. Немалый доход имел от продажи леса.

Всё хорошо, да только не уплачивал граф Шувалов за продажу леса в государственную казну налоги.

Узнала Екатерина.

– Велик ли долг? – спросила у налоговых чиновников.

– Два миллиона рублей, – ответили чиновники.

А надо сказать, Екатерина II Шувалова очень уважала. И даже многие годы с ним дружила.

Встретив как-то Шувалова, царица спросила:

– Как твой архангельский лес, Александр Кузьмич?

Намекала она Шувалову, что, мол, не зря задаёт вопрос, что знает, что Шувалов укрыл налоги.

Сделал Шувалов вид, что не понял намёка.

– Растёт, – ответил.

После этого ещё раз Екатерина намекнула Шувалову на его долг государству. Прямо не говорила. Щадила. Наконец обозлилась.

– Как налоги с архангельского леса? – в упор спросила. – Уплачены?

– Всё нормально. Уплачены, матушка, – ответил Шувалов.

Проверила Екатерина. Спросила у налоговых чиновников:

– Уплатил Шувалов налоги?

– Уплатил, – отвечают чиновники. – Только не сто тысяч, как надо, а всего сто рублей, матушка.

– Ах ты, негодник, хитрец-мудрец, – разгневалась Екатерина.

А надо сказать, не один Шувалов не уплачивал или недоплачивал со своих доходов государству налоги. Не пополнялась из-за этого казна деньгами. Беднела. Приказала Екатерина доложить ей о тех, кто обманывал государство.

Доложили:

– Богатый купец Засекин, мануфактурщик Конфузин, владелец винных заводов Степан Кудряшов…

Набралось таких только по Петербургу более ста человек.

Распорядилась Екатерина II для начала схватить Засекина, Конфузина и Степана Кудряшова и посадить в тюрьму. Наказала держать их там до той поры, пока не уплатят казне налоги.

Кому же охота сидеть в тюрьме! Вернули немедля они долги. Принесли налоги и все остальные.

Прибежал и Шувалов. Даже извинился перед Екатериной II:

– Прости, матушка, забыл я. Память отбило.

– Не память отбило. Совесть отбило, – сказала Екатерина II.

Не простила Шувалова Екатерина II. Имени графа Шувалова с той поры не хотела слышать.

Земля

Во времена Екатерины II состоял на важной государственной службе Александр Андреевич Безбородко. Был он до Екатерины ничем, никем. Стал при ней и богат, и знатен.

– Откуда у тебя такая фамилия? – спросила однажды Екатерина II.

Рассказал Безбородко. Давний предок его был запорожским казаком. Как-то в лихом бою какой-то неприятельский воин саблей отрубил ему часть подбородка. Вот и прозвали казака Безбород кой. От того запорожского казака и пошли Безбородки.

Безбородко был умён, деловит. Екатерина II его ценила. Стал он со временем даже графом.

Не раз говорили Екатерине близкие люди:

– Да он – делец!

– Да он – хитрец!

– Да он, матушка, лгун и плут!

– Это вы от зависти всё. От зависти, – отвечала Екатерина. – Может, и плут Безбородко, да государству полезен.

Защищала его Екатерина II. За умение хорошо работать прощала многое.

Видит такое Безбородко. Решил, что может делать теперь всё, что ему захочется.

Среди многих указов, изданных Екатериной II, был и такой, который категорически запрещал русские земли продавать иностранцам. А Безбородко взял и кому-то продал. Хотя и невелик был надел. Да только отныне эта земля перестала быть русской.

Узнала об этом Екатерина II, потребовала к себе Безбородко.

Явился виновный.

– Закрой поплотнее дверь, – сказала Екатерина.

Закрыл Безбородко дверь.

– Подойди поближе.

Подошёл Безбородко ближе.

– Ещё ближе.

Приблизился Безбородко к самой царице. Подняла Екатерина II руку, размахнулась, ударила по щеке Безбородко.

Раз!

– За что, матушка?!

Два!

– За что, матушка?!

Бьёт Екатерина II Безбородко, приговаривает:

– Не торгуй! Не торгуй землёй! Это же земля! Нет для государства ничего дороже.

Лишь много лет спустя удалось откупить проданный Безбородко участок русской земли. Правда, за очень большие деньги. Вернулась земля в Россию. Успокоилась Екатерина II.

Недород

Знала Екатерина II нравы русских чиновников. В одном из отдалённых уездов был недород. Погибли хлеба и травы. Голод грозил уезду. Зашевелились чиновники:

– В Петербург надо писать. Броситься в ножки матери государыне.

Составили они прошение на имя Екатерины II. Пишут, что недород по всему уезду. Хлеба посохли, пожухли травы. Голод грозит уезду, людям, скоту и домашней птице. «Помоги, матушка!» – просят чиновники.

Пообещала Екатерина II уезду помощь.

Довольны уездные начальники:

– Денежки пришлют! Денежки пришлют! Закупим зерна и сена.

Хотя деньги и для общих нужд, для уезда, однако как же тут устоять, как же себе не взять, как же себя забыть. Посовещались чиновники. Решили на уездной беде нажиться. Договорились так:

– Никифору Ильичу (это главный начальник в уезде) дадим три тысячи рублей.

Потом подумали: пожалуй, мало.

– Мало!

– Мало!

Решили выдать четыре тысячи.

– Митридату Евграфовичу (это второй по значению начальник в уезде) – две тысячи рублей.

Потом подумали: пожалуй, мало.

– Мало!

– Мало!

Добавили и этому тысячу рублей.

Затем решили, сколько дадут Луке Лукичу, сколько дадут Зиновию Купидоновичу, сколько Сысою Сысоевичу, сколько другим. Не забыли себя чиновники. Довольны.

Поделили чиновники богатства. Ждут денег.

И вот помощь прибыла. Проснулись как-то чиновники. Вышли на улицу. В уездный город вступает обоз. За телегой тянется телега.

Остановились телеги.

– От государыни! – прокричал обозный офицер.

Потирают от радости чиновники свои ладошки, смотрят на телеги.

– Эка сколько прислала царица-матушка денег!

Подошли к телегам. Присмотрелись. В телегах мешки с зерном, в телегах сено с овсом.

– А деньги?!

– Натурой велено, – доложил офицер.

Осунулись лица у уездных начальников. Э-эх, проехали мимо карманов деньги.

Знала Екатерина II повадки русских чиновников. Не раз говорила:

– Совесть у многих, считай, с изъяном. Вот где ищи недород.

Две руки

Разгневалась как-то Екатерина II на флотских командиров:

– Однорукой меня сделали. Однорукой!

Произошло вот что. Приехала Екатерина II в Кронштадт проверить Балтийский военный флот. Построились корабли. Хотели капитаны и адмиралы, чтобы получилось у них всё как можно лучше, а получилось как можно хуже.

Построились корабли в колонну. Пошли друг за другом. Строй должен быть ровным, в одну ниточку. А тут. Не удержали корабли ровный строй. Рассыпались.

Махнула с огорчением Екатерина II рукой. Приказала показать ей учебные стрельбы. Поставили перед кораблями специальные цели. Открыли канониры огонь: то недолёт, то перелёт, то и вовсе неизвестно куда улетело ядро. Нет точности у канониров. Не получается.

– Э-эх… – вздохнула Екатерина II.

Уехала императрица недовольной. А перед отъездом сказала:

– Однорукой меня сделали, однорукой!

Знали флотские адмиралы и капитаны, почему Екатерина II гневалась. Ещё Пётр I считал, что армия и флот – это как бы две руки государства.

Возвращаясь в Петербург, Екатерина II заехала в один из армейских пехотных полков. Построили и здесь солдат. Прошли они перед царицей чеканным шагом.

– Молодцы! – вырвалось у Екатерины.

После марша были учебные стрельбы. И здесь отличились солдаты. Точно поражали цели. Быстро перезаряжали ружья.

– Молодцы! – вырвалось опять у Екатерины.

Через какое-то время вновь приехала императрица к капитанам и адмиралам. Вновь проверяла флотское умение.

Корабли на сей раз шли ровно. Канониры стреляли отменно.

Улыбнулась Екатерина II:

– Поправилась рука. Перестала я быть однорукой. – И добавила: – Армия и флот – две руки у государства.

Пятьсот тысяч

На берегу Балтийского моря, недалеко от города Ревеля, для русских военных кораблей адмиралы стали строить новую морскую гавань.

С трудом шло строительство. Море в этих местах бурное. Укрепить берега трудно. Только что построенное волны часто разрушали. Приходилось начинать заново. Строительство оказалось дорогим. Кончились у адмиралов деньги. Обратились они к Екатерине II. Назвали сумму – пятьсот тысяч золотых.

Ахнула Екатерина:

– Пятьсот тысяч!

Подумала, спросила:

– Зачем же вам эта гавань? Чем же вам плох Кронштадт?

Отвечают капитаны и адмиралы:

– Гниют корабли в Кронштадте.

Оказалось, вода в Финском заливе, в Кронштадте, почти пресная. А корабли, как правило, строят из сырого леса. Вот и гниёт быстро дерево. Заводятся в нём вредные червяки.

– Прямо беда, – говорят капитаны и адмиралы. – То ли дело – Ревель. Море Балтийское. Вода там солёная. Корабли дольше служат.

– Ну а если корабли строить из сухого дерева? – спросила Екатерина.

– Это другое дело, – отвечают капитаны и адмиралы.

– Так почему же не строите?

– Долго ждать, пока высохнет дерево.

– Так почему же не поставить тогда корабли в Ревеле? (В Ревеле уже была одна военная гавань.) Зачем вам вторая гавань?

– Для престижа, – отвечают капитаны и адмиралы. – Для величия державы. Не жалей денег, матушка.

Однако императрица не дала адмиралам денег. Была она бережливая и хозяйственная.

– Сушите дерево. Обходитесь Ревелем, – ответила Екатерина.

На другие государственные нужды пошли пятьсот тысяч золотых.

Разбойнички шалят

Проезжала как-то Екатерина II ночью в карете Муромским лесом. Лес огромный, дремучий, страшный. За каждым деревом леший сидит, за каждым кустом – кикимора. Ведьмы повсюду видятся. Вдруг где-то в стороне раздался пронзительный свист.

– Разбойнички шалят, – произнёс сопровождавший Екатерину II дежурный генерал.

Было это ещё в первые годы царствования Екатерины II. Действительно, развелось тогда много разбойников. И в Муромском лесу, и в Смоленском, и в Брянском. И во многих других местах.

– Разбойнички шалят… – задумалась Екатерина II.

Уже позже в Петербурге зашёл у неё разговор о разбойниках с приближёнными.

– Много их, матушка, развелось, – говорят приближённые. – И в Муромском лесу, и в Смоленском, и в Брянском балуются. Страшно ездить. Ходить опасно. Отнимут карету, уведут лошадей. А то и тебя самого прикончат. Страшны они, как адов огонь, матушка.

– Страшны, страшны, – соглашается Екатерина. – Но есть и страшнее.

– Кто же страшнее? – гадают приближённые.

Вскоре раскрылось, кого Екатерина II считала ещё страшнее.

Были это всякие высокие государственные чины и чиновники. Взятки брали, деньги казённые крали. На чём могли, государство обманывали. Не все, конечно, но многие.

– Вот они, наши разбойнички, – сказала Екатерина II.

Приказала Екатерина таких «разбойничков» хватать и сажать в тюрьму.

Многие тогда лишились своего высокого положения и свободы.

Как выполняется её приказ, Екатерина II постоянно проверяла.

– Ну, как наши разбойнички? – спрашивала у приближённых.

– Меньше, матушка, стало.

– Ну, как наши разбойнички?

– Совсем мало осталось, государыня. Приняла Екатерина II строгие меры и против лесных разбойников.

Уменьшилось число грабежей на дорогах. А затем их и вовсе не стало. Поезжай хоть в Муромский лес, хоть в Смоленский, хоть в Брянский.

Не страшно.

Печать

Екатерина II заказала для себя личную печать. Удобное дело – печать. Взял приложил печатку к подушечке с краской. Для пущей важности дыхнул на печатку. Хлоп по бумаге! Печать готова.

Пока изготовляли печать, приближённые гадали, что на ней будет изображено.

– «Екатерина II» будет написано, – сказал один.

– «Императрица российская», – сказал второй.

– «Россия», – заметил третий.

Ходят по Зимнему дворцу статс-дамы, камергеры, переговариваются:

– Новую печать заказала матушка. Что же там будет изображено?

– Что-то державное.

– Что-то необычное.

– Что-то великое.

Наконец наступил долгожданный день. Привезли Екатерине II печать.

Обступили императрицу приближённые. Достала Екатерина II печатку. Приложила к подушечке с краской. Для пущей важности подышала на печатку. Подняла руку – хлоп по бумаге!

Смотрят приближённые: что там такое на печати изображено?

На печати был виден пчелиный улей. Рядом летают пчёлы.

Получают бумаги с печатью Екатерины II гражданские.

Получают бумаги с печатью Екатерины II военные.

Идут бумаги на юг, на восток, на запад, на север.

Читают бумаги начальники.

Читают бумаги чиновники.

По всей России идут бумаги. На царских бумагах стоит печать: пчелиный улей и рядом пчёлы.

«Трудиться, трудиться, ещё раз трудиться. Трудиться, как пчёлы» – вот о чём говорит печать.

Екатерина II сама подавала другим пример трудолюбия. Раньше всех подымалась в Зимнем дворце. Позже других отправлялась спать.

Пять часов утра – Екатерина II уже на ногах. Шесть часов – императрица уже за работой.

Начинается новый день.

– Просыпайся! Вставай, Россия!

Глава третья
Дела военные. Дела гражданские

Римлянин

Шёл 1768 год. Неожиданно Турция напала на Россию.
Опустошили турецкие войска южные русские земли.

Царские генералы срочно готовили войска для отпора захватчикам. Собрали тридцать тысяч солдат. Возглавил поход князь генерал Голицын.

Спешит Голицын навстречу врагу. Узнаёт, что турок пятьдесят тысяч человек. Турок пятьдесят, а русских всего лишь тридцать.

Собирает он военный совет. Спрашивает:

– Как быть?

Разное мнение у генералов. Одни за то, чтобы идти вперёд. Преградить дорогу врагу. Вступить в бой.

Другие за то, чтобы не торопиться. Подождать помощь.

Голицын решил идти вперёд.

Приблизились русские к турецкой армии. Послал Голицын вперёд разведку. Вернулись разведчики, доложили. Турок, оказывается, не пятьдесят, а целых сто тысяч. Турок сто тысяч, а русских – всего тридцать.

Как быть?

Вновь собирает Голицын военный совет.

Нет у генералов на сей раз двух мнений. Мнение одно – в бой вступать нельзя. Разобьют турки русскую армию. Надо ждать помощи.

Князь Голицын тоже так думал. Однако всё же решил он послать гонца в Петербург. Спросить мнение у Екатерины II.

В своём письме Голицын писал, что русская армия дошла до турецкой армии, что выяснилось – в турецкой армии сто тысяч солдат, а в русской всего лишь тридцать. Голицын спрашивал у Екатерины II, как быть: то ли вступать в бой, то ли ждать помощи?

Пришёл от Екатерины II ответ. Читает Голицын:

«Римляне не заботились о числе неприятеля. Они только спрашивали: где он?»

Озадачил Голицына ответ Екатерины II. Однако понял – надобно наступать.

Отдал он приказ вступить в бой с неприятелем. Вступил – и разбил турок.

По случаю голицынской победы в Петербурге был устроен парад и народный праздник.

Били пушки салют победителям. Гремела военная музыка. Парадным маршем проходили войска.

Посмотрела Екатерина II на князя Голицына:

– Вы у нас – римлянин!

Смутился Голицын:

– Кабы не вы, матушка… Кабы не ваш приказ…

– Не я! – рассмеялась Екатерина II. – Римляне во всём виноваты.

Кагул

Удачно началась для России война с Турцией. Только отпраздновали в Петербурге славную победу Голицына. А тут новая. Ещё более значительная. Знаменитая победа русских войск над турецкими войсками в сражении у реки Кагул.

Командовал у Кагула русскими войсками генерал Пётр Александрович Румянцев. У Румянцева было семнадцать тысяч солдат. В турецкой армии сто пятьдесят.

Не посылал Румянцев, как генерал Голицын, гонцов к Екатерине II. Не спрашивал, как быть. Знал он ответ Екатерины II про древних римлян. Только спросил у разведчиков о неприятеле:

– Где он?

– При Кагуле.

Двинулись русские к Кагулу.

Подошёл Румянцев к Кагулу быстро. Не ожидали турки. Напали русские на рассвете, когда турки ещё спали.

Однако турок было больше. Они быстро опомнились. Стали в боевые ряды.

– Берабер гель! (Вперёд за мной!) Берабер гель! – раздавались крики турецких командиров.

– Ля-иль-Алла! Ля-иль-Алла!

Турецкие солдаты стали теснить русских. Генерал Румянцев был в первых рядах сражающихся. Зычно звучали его команды:

– Вперёд, полк Муромский!

– Не робей, полк Бутырский!

– В штыки, полк Астраханский! Коли!

Румянцев сидел верхом на коне. Он был без головного убора. Сдёрнул с головы парик. Махал им, как боевым знаменем:

– Вперёд, россияне! Слава! Слава! Вперёд!

Устояли русские под натиском турок. Сами перешли в наступление. И вот уже первые успехи.

– Взято тридцать турецких пушек, – докладывают Румянцеву.

– Почему так мало?! – кричит Румянцев. (А это было совсем не мало!)

Через какое-то время новый доклад:

– Взято шестьдесят турецких пушек.

– Мало! Мало! – кричит Румянцев.

Новый примчался курьер:

– Взято девяносто пушек, ваше сиятельство!

– Вот это другое дело, – сказал Румянцев.

Вскоре успех и вовсе был на стороне русских. Ещё напор. Ещё удар. И вот – побежали турки.

Победа была полной. Великая победа при Кагуле.

До сих пор в тех местах стоит величественный памятник этой победе.

В Петербурге снова гремели пушки. Играла военная музыка. Был огромный парад. Екатерина II щедро наградила всех, кто принимал участие в битве при Кагуле.

Генералу Румянцеву было присвоено звание генерал-фельдмаршала.

Вскоре фельдмаршал Румянцев одержал новые победы над турецкой армией. Дошёл до реки Дунай. Перешёл Дунай.

Новая награда ожидала русского полководца. Фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев получил к своей фамилии почётную приставку Задунайский.

Стал он Румянцевым-Задунайским.

Долгорукий

Только в Петербурге отпраздновали славную победу при Кагуле. А тут новая.

Шли бои с турками за полуостров Крым.

Крым – это земное чудо. Море. Горы. Привольные степи. Солнце в небе весь год смеётся.

Севастополь – в Крыму.

Ялта, Алупка, Алушта, Гурзуф – в Крыму.

Во времена Екатерины II шла упорная борьба за Крым между Турцией и Россией.

Командовать сражающимися здесь войсками был назначен генерал князь Василий Михайлович Долгорукий.

– Долгорукий… – произнесла в раздумье Екатерина. – Длинные руки. Ну этот до Крыма у нас дотянется.

Долгорукий – опытный воин. Начал службу в армии с четырнадцати лет. Рядовым солдатом. Сейчас он – генерал-аншеф. Это самый высокий генеральский чин. Дальше идёт фельдмаршал.

Подошёл князь Долгорукий к Крыму. Дорогу в Крым закрывала крепость Ор-Капу. (Теперь это место называется Перекопом.)

Подступили к Перекопу русские войска. Начали штурм. Целый день длился упорный бой. Не устоял Перекоп под напором русских. Открылись ворота в Крым.

Летят из Крыма в Петербург к Екатерине II боевые донесения.

Прибыл поручик.

– От генерал-аншефа Долгорукова, – представился. – Взята Кафа. (Это сейчас город Феодосия.)

Рада Екатерина:

– Спасибо за добрую весть, капитан.

Смутился поручик:

– Я – поручик, матушка.

– Благодарю, капитан, – повторила Екатерина.

Прибыл из Крыма к Екатерине II капитан.

– От генерал-аншефа князя Долгорукова, – доложил. – Взята, государыня, Керчь.

Рада Екатерина II:

– Спасибо за добрую весть, господин майор.

Смутился капитан.

– Капитан, матушка, – поправил императрицу.

– Нет, майор, – повторила Екатерина II.

Прибыл из Крыма к Екатерине II майор:

– От генерал-аншефа князя Долгорукова. Взят, матушка, Бахчисарай. (Это в те годы столица Крыма.)

Рада Екатерина II:

– Спасибо за славную весть, полковник.

Смутился майор.

– Майор, матушка, – поправил Екатерину II.

– Нет, полковник. Спасибо, полковник, – повторила царица.

Вспомнила Екатерина о Долгоруком: «Длинные руки, длинные… До Бахчисарая, до Кафы, до Керчи дотянулся. Спасибо тебе за Крым».

Как и фельдмаршал Румянцев, получил Долгорукий к своей фамилии почётную приставку. Стал он именоваться князь Долгорукий-Крымский.

Суворов

Во время царствования Екатерины II прогремела слава Суворова.

Совсем молодым генералом Суворов прибыл на юг, в армию генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского.

Послал как-то Румянцев Суворова на правый берег Дуная. Молодой генерал должен был разведать, кем и как обороняется турецкая крепость Туртукай.

Послал он Румянцеву рапорт о падении Туртукая.

Прочитал Румянцев рапорт, возмутился. Был он недоволен, что Суворов без приказа взял Туртукай. Обиделся Румянцев ещё и потому, что Суворов написал свой рапорт в стихах. Вот этот рапорт:

Слава Богу, слава Вам,
Туртукай взят, и я там.

Решил Румянцев строго наказать Суворова. Отдал его под военный суд.

Ропот тогда пошёл по армии:

– Как так? За победу – и под военный суд!

– Нет бы спасибо сказать Суворову.

– Это за стишки фельдмаршал обиделся.

О суде, который должен был состояться над Суворовым, доложили Екатерине II.

Взяла Екатерина Суворова под защиту. Про себя подумала:

«Молодец Суворов». А фельдмаршалу Румянцеву написала: «Победителя не судят».

Пришлось фельдмаршалу Румянцеву освободить из-под стражи генерала Суворова.

Ценила Екатерина II Суворова за военный талант, за храбрость. Он был одним из самых любимых её генералов. При Екатерине II за свои победы стал он и графом и князем, стал генерал-фельдмаршалом.

«Крокодил Турции»

У Турции был очень сильный военный флот. Находились военные корабли Турции в Чёрном и в Средиземном морях.

Ясно Екатерине II: без победы над турецким флотом не быть полной победе русских.

Решила Екатерина II направить русские военные корабли из Балтийского моря, из морской крепости Кронштадт, в Средиземное море – к берегам Турции.

Отчалили русские корабли в далёкий небезопасный путь. Прошли Финским заливом, Балтийским морем мимо Пруссии, Швеции, Дании. Прошли Атлантическим океаном мимо Англии, Франции и Испании. Вошли в Средиземное море. Подошли к греческим берегам. Рядом совсем Турция. Рядом турецкий флот.

Место, где сошлись русская и турецкая эскадры, называется Чесма. Старшим у русских был граф Алексей Орлов. Турецким флотом командовал адмирал Гасан-бей. Носил он прозвище Крокодил Турции. Был умелым флотоводцем. Одержал немало побед.

Встретились в жарком морском бою при Чесме граф Алексей Орлов и Крокодил Турции.

Упорным выдался бой между русской и турецкой эскадрами. Для воодушевления матросов на кораблях во время всего боя играла музыка. Крокодил Турции ходил по палубе своего главного корабля «Реал-Мустафа» босиком. Был он в ярко-жёлтых шароварах и красной куртке без рукавов. С трубкой в зубах.

В самый разгар битвы флагманские, то есть главные, корабли русских и турок «Святой Евстафий» и «Реал-Мустафа» пошли на абордаж, то есть сошлись бортами. Матросы обеих сторон бросились друг на друга. Завязалась рукопашная схватка на корабельных палубах.

То побеждали одни, то побеждали другие.

То раздавались крики «Ура!», то крики «Алла, Алла!».

Сражение между «Святым Евстафием» и «Реал-Мустафой» закончилось неожиданно и очень печально. Взорвались на кораблях пороховые склады. Разнесло корабли на щепы. Взлетели ввысь и реи, и паруса, и люди. Турецкий адмирал тоже взлетел. Сверкнули в воздухе ярко-жёлтые шаровары, красная курточка и голые пятки. Рухнул он в воду. Однако спасся. Уцелел и бывший на «Святом Евстафии» Алексей Орлов.

Оставшиеся целыми турецкие суда укрылись в Чесменской бухте.

Однако это их не спасло. Ночью Алексей Орлов приказал атаковать турецкие корабли. Русские моряки вошли в Чесменскую бухту и добили эскадру «турецкого крокодила».

В Петербурге был снова праздник. Опять стреляли в честь победителей пушки. Снова военные трубы им пели славу.

Екатерина II щедро наградила Алексея Орлова. Стал он называться с той поры графом Орловым-Чесменским. Под Петербургом в Царском Селе ему был установлен памятник.

Для всех участников Чесменского морского сражения, для всех тех, кто был в тот день в бою, по приказанию Екатерины II отлили памятную медаль. На одной её стороне – портрет императрицы, на другой – горящий турецкий корабль. Рядом – единственное короткое слово: «Был».

Вскоре Турция запросила у России мира, а мирный договор был подписан лишь спустя четыре года. Закончилась первая из екатерининских войн между Россией и Турцией.

Салтычиха

Во времена Екатерины II жила известная помещица Дарья Николаевна Салтыкова.

Чем же она известна?

– Своим богатством.

Верно. Но вовсе не из-за её богатства запомнили люди имя помещицы Салтыковой.

– Тем, что много крестьян крепостных имела!

Верно. Но и не этим вошла она в историю.

– Была умна и красива.

Нет. Не поэтому помнит её история.

Помещица Салтыкова была очень жестокой. Била, истязала своих крепостных. Мучила и казнила. Сорок человек погибло по воле помещицы Салтыковой.

Говорили о ней крестьяне:

– Наша барыня – лютый зверь.

Прозвали крестьяне помещицу – Салтычиха.

Стали до Екатерины II доходить вести о разбойном характере помещицы Салтыковой.

Возмутилась Екатерина II. Однако нашлось у Салтыковой много защитников.

– Брешут, матушка, брешут. Говорят неправду.

– Почему неправду? Ведь до смерти забивает людей.

– Так ведь, матушка, как у всех. Все бьют своих крепостных. Как же без этого? Бывает, конечно, и погибают люди.

– Разве так можно: человек человека лишает жизни?

– Так ведь, матушка, Господом мир устроен.

Нашлись при Екатерине и умные люди:

– Распоясались помещики.

– Как бы от лихолетья дворян не стало бы бунта народного.

– Надо бы власть применить, государыня.

И вот когда пришло новое известие о зверствах помещицы Салтыковой, «Судить!» – распорядилась Екатерина. На суде всё подтвердилось. И побои, и пытки, и смерть людей.

Приговорили Салтыкову к пожизненному заключению. А перед этим устроили позорную казнь.

В Москве на Красной площади возвели эшафот. Посередине него был поставлен столб. К столбу прикреплены три цепи.

Привезли Салтычиху. Приковали к столбу цепями. Приходите, смотрите люди.

Повалил народ на Красную площадь.

– Справедлива государыня! Заступница! Матушка! – благодарили Екатерину в народе.

– Своих не жалеет, – роптали богатые люди.

После позорной казни бросили Салтыкову в подземную камеру. Просидела Салтычиха в заточении целых тридцать три года. До самой смерти.

Пугачёв

Нелегко жилось крепостным крестьянам во времена Екатерины II. Они были полной собственностью помещика. Екатерина II дала право помещикам отправлять крестьян в Сибирь на каторжные работы, крестьянам же было запрещено даже жаловаться на помещиков… Некоторые помещики имели по пять, десять, двадцать и больше тысяч крепостных крестьян. Крепостного человека можно было продать, на что-то выменять или проиграть в карты.

Не раз крестьяне поднимались против помещиков. Вот и снова взметнулся народный бунт. Кроме крестьян в нём принимали участие и казаки. Начался бунт на реке Яик, потом перешёл на Волгу, на Каму, в степное Заволжье, на горный Урал.

Это была самая настоящая крестьянская война.

Во главе восставших стал умный и энергичный донской казак Емельян Пугачёв. Для того чтобы привлечь к себе больше народа, Пугачёв объявил себя русским императором Петром III – погибшим мужем Екатерины II.

– Не умер я. Остался жив. Не прикончили тогда меня в Ропше Катькины слуги, – говорил Пугачёв.

Объяснял Пугачёв, что он чудом спасся, а если кто-нибудь начинал сомневаться, что он истинный царь, – сдирал с тела рубаху и показывал на груди три метины.

– Царские знаки, – говорил Пугачёв. – Как родится государево дитё – сразу при царской печати.

Дивился народ:

– Царские знаки!

На самом деле это были следы от картечин. Одно время Пугачёв был на войне солдатом.

И всё же многие люди в России тогда поверили, что Пугачёв – это и есть настоящий император Пётр III.

– Богом он послан. Заступник народный! Взметнулась, вздыбилась Русь. Пошли бедные на богатых. Запылали помещичьи дома и имения.

– Жги их, жги!

– На осину тяни!

– В мешок воевод и бар! В мешок – да в воду!

Страх охватил русское дворянство. Сама Екатерина II надолго лишилась покоя.

Начал борьбу с Пугачёвым оренбургский генерал-губернатор Рейнсдорп.

Не справился Рейнсдорп с Пугачёвым. Послали против Пугачёва генерала Кара. Не справился Кар с восставшими. Послали других генералов. Не добились успеха и эти. Приказала Екатерина II вызвать с войны Суворова.

– Приезжай, батюшка. Угомони супостата. Не поспел Суворов к разгрому восставших. Разбили всё же царские войска Пугачёва.

Посадили, как зверя, в железную клетку, привезли в Москву.

Казнили Пугачёва на Болотной площади, напротив Кремля, рядом с Москвой-рекой.

Княжна Тараканова

В Италии появилась загадочная женщина. Называла себя княжной Таракановой.

Была княжна Тараканова высокой, стройной, красивой. Прекрасно говорила по-французски, по-немецки, по-итальянски, по-польски. Хорошо рисовала. Играла на арфе. Метко стреляла из пистолетов и даже владела шпагой.

– Я – дочь русской императрицы Елизаветы и графа Алексея Разумовского, – уверяла княжна Тараканова.

Ещё до восшествия на русский престол дочь Петра I – будущая русская императрица Елизавета – была обвенчана с Разумовским. Однако это хранилось в тайне. Говорили, якобы была у них дочь.

И вот теперь…

– Я дочь Елизаветы. Не Екатерине Второй, а мне по праву должен принадлежать русский престол, – заявила княжна Тараканова.

Беспокоило Екатерину II, что где-то за границей, в Италии, появилась у неё соперница. Поручила она своим приближённым тайно выяснить, кто же такая княжна Тараканова.

Направились в Италию царские лазутчики. Стали поступать сведения к Екатерине.

Один сообщил:

– Это мадам Тремуйлль из Парижа.

Второй донёс:

– Это княжна Радзивилл из Польши.

Третий писал:

– Это графиня Пинненберг из Голштинии.

Четвёртый:

– Персиянка Эли-Эмете из Тавриза.

Пятый:

– Черкесская княжна Волдомир.

Под всеми этими именами скрывалась княжна Тараканова. Ясно: Тараканова – обманщица, самозванка.

В это время в Средиземном море во главе русской эскадры находился герой Чесменской битвы граф Алексей Орлов.

Послала Екатерина II письмо Орлову. О чём говорилось в письме, неизвестно. Но вот…

Доложили как-то княжне Таракановой, что с ней хочет познакомиться русский адмирал граф Алексей Орлов.

Обрадовалась княжна Тараканова. Согласилась. Встретилась она с графом Орловым.

Говорит Орлов всякие возвышенные слова Таракановой:

– Вы и умница. Вы и красавица. Вы и художница. На арфе играете. Из пистолетов стреляете.

Приятно Таракановой слушать подобное. Выждал Орлов и тихо, почти шёпотом:

– Вы – наша царица. За вас – весь Российский флот. За флотом подымется армия… Вам государством править.

Улыбается Тараканова. В руки идёт удача.

Прошло несколько дней. Пригласил Алексей Орлов княжну Тараканову на русский военный корабль. Объяснил, что морские офицеры хотят с ней познакомиться, произнести ей клятву верности.

Обрадовалась княжна Тараканова. Уже видит себя русской царицей.

Прибыла она вместе с Алексеем Орловым на русский военный корабль.

– Сюда прошу, сюда, – указывает Орлов путь Таракановой. – Каюта вас ждёт отдельная, царская.

Вошла княжна Тараканова в каюту. Но что такое? Орлов тут же за нею захлопнул дверь. Оказалась княжна в заключении.

Поднял военный корабль паруса. Взял курс из Средиземного моря в море Балтийское. Привёз граф Орлов самозванку в Петербург. Посадили Тараканову в Петропавловскую крепость, в Алексеевский равелин.

Долго её допрашивали.

– Я – законная русская царица, – твердила княжна Тараканова. – Я – дочь императрицы Елизаветы.

Даже пытали.

– Я – законная русская императрица, – повторяла княжна Тараканова. – Я – дочь императрицы Елизаветы.

Так и не узнали настоящего имени этой женщины. Откуда родом княжна Тараканова. Кто были настоящие её родители.

Не вышла Тараканова на свободу. Вскоре скончалась в Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине.

Мирович

– Стой! Кто такой?!

– Свой! – ответил поручик Мирович. Окликнули поручика Мировича два солдата-охранника. Было это в Шлиссельбургской крепости. Здесь в хорошо охраняемой камере содержался таинственный человек. Стояла ночь.

Подошёл поручик Мирович к камере. Потряс перед охранниками какой-то бумагой:

– Важный приказ. Откройте дверь! Открыли солдаты-охранники дверь. В просвете камеры показался молодой человек.

– Ваше величество, вы свободны, – сказал Мирович.

Молодой человек сделал шаг вперёд. И в ту же секунду охранники бросились на заключённого. Сверкнули смертью стальные шпаги.

Человек рухнул на каменный пол камеры. Подбежал Мирович, опустился на колени. Узник был мёртв.

Схватился поручик Мирович руками за голову:

– Что вы наделали!

– Приказ, – сказали охранники.

Молодым человеком, убитым в Шлиссельбургской крепости, был русский император Иван VI.

Началась эта история за четверть века до его роковой смерти.

В то время русский престол занимала царица Анна Иоанновна. Была она бездетной. Завещала после своей смерти царскую власть в России передать сыну своих близких родственников – Иоанну.

Вскоре Анна Иоанновна скончалась. Наследнику русского престола Иоанну (Ивану) было в ту пору всего два месяца.

Страной вместо младенца-царевича стала управлять его мать Анна Леопольдовна.

Но недолго удержались они у власти. Прошёл год, и русской царицей была провозглашена дочь Петра I – Елизавета Петровна.

Стала она царствовать под именем императрицы Елизаветы.

Наследник престола – царевич Иоанн был отправлен под стражу в крепость.

Шли годы. Мальчик вырос. Стал юношей. Молодым человеком.

Скончалась давно Елизавета.

Царствовать стал Пётр III.

Затем – Екатерина II.

Неизвестно, сколько бы ещё просидел в крепости Иоанн, да только тут появился поручик Мирович.

Не все были довольны правлением Екатерины II. Нашлись уже и враги. Среди таких был и поручик Мирович. Попытался он вернуть Иоанну русский престол и тем самым сместить Екатерину II. Да

неудачно. Не знал поручик, что стража имела секретный приказ: если кто-нибудь решится освободить царевича – немедля убить наследника.

Убит наследник. Казнён Мирович.

Продолжает царствовать Екатерина II.

Потёмкин

Потёмкин был одним из ближайших сподвижников Екатерины II.

Был он известен ещё до турецкой войны. Когда Турция напала на Россию, Потёмкин был послан на войну генералом.

Отправляясь на войну, Потёмкин стал изучать турецкий язык. Особенно понравились ему два слова: «Берабель гель!» Это означало: «Вперёд, за мной!» Звучными оказались слова.

– Берабель гель! Берабель гель! – повторял Потёмкин.

Потёмкин был смел и решителен. Рост у него огромный. Плечи широкие. Руки могучие.

Приехал Потёмкин на войну с турками. Как-то вечером верхом на коне один, без охраны, Потёмкин направлялся из одного военного отряда в другой и наткнулся на конный разъезд турецких солдат.

Отступать некуда. Леса нет. Кругом степь. Понял Потёмкин – конец. И вдруг вспомнил он турецкие слова. Привстав в стременах, громко закричал:

– Берабель гель! Берабель гель! – и помчался вперёд.

Не разобрались в темноте вражеские солдаты. Решили, что перед ними какой-то важный турецкий офицер. Поскакали они за Потёмкиным. Вывел тот их на передовые русские посты. Крикнул русским солдатам:

– Стреляй!

Расстреляли солдаты в упор противника.

Слухи о подвиге и находчивости Потёмкина дошли до Екатерины. Наградила она его боевым орденом. А при встрече спросила:

– Выходит, турецкий язык помог?

– Помог, матушка.

– Вперёд, за мной! – рассмеялась Екатерина II.

– Берабель гель! – повторил Потёмкин.

Екатерина II знала многие иностранные языки, в том числе английский, французский. Решила теперь изучить и турецкий.

Приехал Потёмкин как-то опять в Петербург.

– Мархаба! (Здравствуй!) – поприветствовала его Екатерина. – Гюкайдын! (Добрый день!) Насылсыныз? (Как дела?)

– Отлично идут дела! – рассмеялся теперь Потёмкин.

Губернатор

Когда завершилась война с Турцией, Екатерина II оставила Потёмкина на юге России. Назначила губернатором новых русских земель.

По мирному договору с Турцией Россия стала владеть почти всеми северными берегами Чёрного моря. К ней же был присоединён полуостров Крым.

Присоединённый к России край получил название Новая Россия, или Новороссия. А Крым и прилегающие к нему земли стали называться Тавридой.

Энергично взялся Потёмкин за управление новым краем.

В нижнем течении Днепра он основал город Херсон, заложил город Николаев. Наказал здесь строить военные корабли.

Был Потёмкин человек увлекающийся, восторженный. Особенно много сил он уделил развитию Крыма. Строил дороги. Приглашал поселяться тут новых людей. Пригласил из Петрограда иностранца садовника.

– Сделай из Крыма сказку!

Наставлял:

– Сажай виноградники. Расти деревья: мандариновые, шелковичные, персиковые, ореховые… Сажай кедры, оливы, лавры… Строй заводы, винные и паточные…

Любимым местом у Потёмкина стал Севастополь. Когда-то здесь находился город-государство Херсонес, а затем, много веков спустя, маленький татарский посёлок Ахтиар. Теперь появился город. («Севастополь» в переводе с греческого означает: город славы.) Севастополь! Город-легенда. Город-герой. Город неумирающей русской славы. На юге России усилиями Потёмкина и других русских людей был создан Черноморский флот. Стоят корабли на рейде. Гордость и цвет России.

– То ли ещё будет, матушка, – говорил Потёмкин Екатерине II.

Заражал он её своей энергией.

Радовалась Екатерина II успехам дел на юге. Восхищалась Потёмкиным. Говорила о нём:

– Ну и ну! Выходит, запрыгали у князя Григория Александровича в крови кузнечики. Щедро награждала Екатерина II Потёмкина.

Стал он князем.

Стал он фельдмаршалом.

Стал называться светлейшим.

Стал называться князем Таврическим.

«Наплевать!»

Было у князя Григория Потёмкина словцо любимое – «наплевать».

Говорят ему:

– Ваша светлость, холодно, оденьтесь теплее.

– Наплевать, – отвечает Потёмкин.

– Ваша светлость, на званый приём опаздываем.

– Наплевать.

Вызвала как-то Екатерина к себе Потёмкина.

– Ваше сиятельство, матушка кличет, – говорят слуги.

– Наплевать, – ответил Потёмкин.

Нашлись, конечно, недобрые люди, донесли Екатерине II о словах Потёмкина.

– Как, как сказал? – переспросила Екатерина II.

– «Наплевать», матушка.

Расхохоталась Екатерина II. Понравилось вдруг императрице слово.

Явился как-то к Екатерине II канцлер Бестужев, доложил о каких-то важных делах.

– Наплевать, – ответила Екатерина. Смутился Бестужев. Не ожидал такого.

Поняла Екатерина II, что не так сказала.

– Подождут дела, – поправилась. Пришёл как-то к Екатерине II граф Безбородко. Доложил о каких-то ещё более важных делах.

– Наплевать, – ответила Екатерина II. Смутился Безбородко. Не ожидал от царицы такого. Заметила Екатерина.

– Не убегут дела, – поправилась. Принимала как-то Екатерина II австрийского посла. Что-то долго посол ей говорил. Что-то доказывал.

Слушала, слушала Екатерина. Не выдержала:

– Наплевать!

– Вас? Вас? (Что? Что?) – переспросил посол.

Нашёлся переводчик. Сказал по-немецки:

– Желает здоровья вам государыня.

– Данке шон. Данке шон. (Большое спасибо), – поклонился посол царице.

Долго Екатерина II не могла отвязаться от грубого слова. Потом оно как-то само отстало.

Подумала Екатерина: «Вот как в жизни часто бывает. Добро не идёт, а дрянь прилипает».

Глава четвёртая
«Не трогай меня»

Путешествие Екатерины

Не раз князь Потёмкин приглашал Екатерину II посетить новые русские земли – Новороссию и Крым.

– Собирайся, матушка. Приезжай. Посмотри.

– Так ведь далеко, Григорий Александрович.

Наконец Екатерина II дала согласие.

Собирались долго. Решали, кого брать, кого не брать. Кого пригласить из статс-дам, из камергеров, других придворных, из генералов, из министров, из важных чиновников.

– Послов иноземных не забудьте, – напоминала Екатерина II. – Пусть увидят и они наши новые земли.

Выехали в январе, чтобы к весне быть на юге. В путь двинулось четырнадцать карет, сто шестьдесят саней, пятьсот шестьдесят лошадей.

Дорога шла на Лугу, на Великие Луки, через Смоленск на Чернигов и Киев. В Киеве была первая большая остановка. Здесь Екатерину II встречали герои турецкой войны фельдмаршал Румянцев, Долгорукий, Суворов и сам Потёмкин.

Возвели Триумфальную арку. Все приветствовали Екатерину II.

В Киеве пересели на речные суда. Двинулись вниз по Днепру.

В городе Каневе встречал русскую императрицу специально приехавший сюда польский король Станислав Понятовский.

Когда прибыли в Херсон, её уже ожидал здесь австрийский император Иосиф II.

Плывёт Екатерина II по Днепру. Любуется его берегами. Глянешь налево – простор. Глянешь направо – простор. Восторгается Потёмкин:

– Вот они, новые земли!

Стояла весна. Благоухала зелень. Носились стрижи над берегом. Высоко в небе заливались, радовались жизни жаворонки.

На пути, не доплывая до знаменитых Днепровских порогов, Потёмкин приказал остановить флотилию. Здесь он приготовил для Екатерины II особый сюрприз.

Поднялись гости на высокий днепровский берег.

– Нравится место? – спросил Потёмкин.

– Нравится! – ответила Екатерина II.

Подошёл Потёмкин к императрице, подал камень:

– Положи, матушка.

Положила на землю камень Екатерина II.

– Быть здесь городу, – сказал Потёмкин.

Так был заложен город, который нарекли именем Екатерины – Екатеринослав. (Сейчас это украинский город Днепропетровск.)

Из Херсона, вновь пересев в кареты, двинулись в Крым.

Восторгалась Екатерина II Крымом. Остановилась в Акмечети (это нынешний Симферополь). Ночевала в Бахчисарае, прибыла в Севастополь.

Здесь Екатерину II ожидал новый сюрприз. Показал Потёмкин рукой на море. Глянула Екатерина II. Ахнула. Подняв белые паруса, выводком лебединым шли корабли. Много их. Новые. Грозные. Красивые.

– Черноморский флот, – с гордостью сказал Потёмкин. – Дело рук русских. Во славу России.

– Не хвастай, не хвастай, – удержала его Екатерина II.

А самой всё нравилось.

Побывала Екатерина II и в других городах Крыма: в Судаке, в Старом Крыму, в Феодосии. В завершение поездки Потёмкин устроил в честь Екатерины II огромный салют. Триста тысяч цветных ракет, как брызги, взлетали в небо.

– Красота! – говорил Потёмкин.

– Не хвастай, не хвастай! – опять повторяла Екатерина II.

А сама не скрывала радости. Чудесным получилось путешествие на юг России. Счастлива Екатерина II.

Почти год продолжалась поездка русской царицы в Крым и на новые русские земли.

Возвращались назад в Петербург через Полтаву, Харьков, Орёл и Тулу.

Очаков

В 1787 году вспыхнула новая война между Россией и Турцией. Заподозрили турки недоброе.

– Не зря императрица Екатерина Вторая приезжала в Крым!

А тут ещё внук Екатерины II был назван именем Константин.

– Не зря Константин Константином назван!

Решили турки, что русские готовятся захватить их главный город – Константинополь.

Арестовали турки русского посла. Объявили войну России.

Началась для России новая турецкая война с неудачи. Набежавшая буря разбросала Черноморский русский военный флот. Много кораблей погибло. Под угрозой турецкого вторжения оказались Севастополь и Крым.

Неустрашимый князь Потёмкин и тот дрогнул. Собирался даже уйти из Крыма.

Удержала его Екатерина II. Написала: «Прошу ободриться… Бодрый дух и неудачу может поправить».

Понял Потёмкин, что зря он дрогнул. Стал снова деятельным и решительным.

На юге России, на берегу Чёрного моря, недалеко от того места, где в Чёрное море впадает река Днепр, стоял город Очаков.

Во времена Екатерины II Очаков был грозной турецкой крепостью.

Не войти кораблям из Днепра в Чёрное море, не выйти из Чёрного моря в Днепр. На пути кораблей, у устья Днепра, стоит Очаков.

Сюда, под Очаков, и направил Потёмкин свои войска.

Думал он с ходу сломить турецкую крепость. Но и здесь неудача. Турки отбили приступ.

Началась долгая осада Очакова.

Потёмкин нервничал. Осада затягивалась. Из Петербурга Екатерина II присылала курьеров:

– Как Очаков?

– Как Очаков?

– Папа (так называла она Потёмкина), когда Очаков подаришь нам?

Потёмкин сам выезжал под стены крепости. Стоял под турецкими ядрами. Однажды сорвало с него шляпу, на другой день выбило из рук подзорную трубу. Убило под Потёмкиным как-то лошадь.

Очаков держался.

Русские орудия били по стенам турецкой крепости. Стены не поддавались. Турки сами из пушек палили по русским. Погибали бесцельно солдаты.

Потёмкин начал терять надежду.

Наступила зима. Ударили морозы. Подули лютые ветры.

И тут вдруг улыбнулась удача русским. Упорство победило. Не устояли стены Очакова.

– Ура!

– Ура!

– Валом кати вперёд!

Ворвались русские солдаты в Очаков.

«Спасибо, папа!» – писала Екатерина II Потёмкину.

Взятие Очакова было очень важным событием для России. Потёмкин за победу получил жезл генерал-фельдмаршала.

Фокшаны

Поправились дела России. Вслед за Очаковом грянуло победное сражение под Фокшанами.

Русские против Турции в то время сражались в союзе с австрийцами. Как раз под Фокшанами стояли австрийские войска. Дела у них оказались неважными, и им грозил полный разгром.

Запросили австрийцы у русских помощи. На помощь был послан Суворов.

Прибыл Суворов, остановился недалеко от австрийского лагеря. Командующий австрийской армией – принц Кобургский немедля

послал к Суворову посыльного с просьбой, чтобы русский генерал тут же явился к австрийцам на военный совет.

Собрался было Суворов ехать, а потом передумал: зачем? Знал он, что на военном совете с австрийцами начнутся споры, сомнения. Только время уйдёт. А турки тем временем узнают о приходе Суворова.

Прискакал посыльный от принца Кобургского к русскому лагерю.

– Суворов Богу молится, – заявили посыльному.

Через час прибыл новый посыльный.

– Суворов ужинает, – отвечают ему.

Прошёл ещё час, и снова прибыл посыльный.

– Суворов спит, – отвечают австрийцу. – Наказывал не тревожить.

А Суворов вовсе не спал. Изучал он позиции неприятеля. Готовился к бою.

Глубокой ночью принца Кобургского разбудили. Приехал курьер от Суворова, привёз письмо от русского генерала.

«Выступаю на турок, – писал Суворов. – Иду слева, ступай справа. Атакуй с чем пришёл, чем Бог послал. Конница, начинай. Руби, коли, гони, отрезай, не упускай, ура! А коли не придёшь, ударю один», – пригрозил Суворов.

Переполошился принц Кобургский. Как же так – без военного совета, без обсуждения и так скоро! Однако делать нечего: пришлось подчиниться.

Русские и австрийцы напали на турок и разгромили противника.

После победы кое-кто стал упрекать Суворова: нехорошо, мол, Суворов поступил с австрийцами. Упрекнула и Екатерина II.

– Нельзя было, матушка, – объяснял Суворов. – Нельзя иначе. Австрийцы – они поболтать любят. Заговорили бы меня на совете. Заспорили. Глядишь, и битва Фокшанская была бы не в поле, а в штабе австрийском.

Согласилась Екатерина II. Осталась довольна ответом Суворова.

Рымник

Вскоре с турками произошла ещё одна большая битва. И снова в ней принимали участие русские и австрийцы. И снова – принц Кобургский и генерал Суворов.

Ры́мник – это река. У её берегов собралась огромная, стотысячная, турецкая армия. Командовал армией великий визирь Юсуф-паша.

Собирался Юсуф-паша ударить по войскам принца Кобургского. Тот срочно направил гонца к Суворову с просьбой о помощи.

– Иду! – коротко ответил Суворов.

Говорят Суворову:

– Не торопитесь, Александр Васильевич. У визиря сто тысяч солдат, а у вас лишь двадцать пять.

– Чем меньше войско, тем больше храбрых, – ответил Суворов.

Двинул он свои войска на помощь австрийцам.

Всем известны стремительные суворовские переходы. Солдат Суворова от армии Юсуф-паши отделяло восемьдесят вёрст.

Великий визирь Юсуф-паша восседал у себя в шатре на шёлковых подушках, пил кофе.

Хорошее настроение у великого визиря. Только что побывал у него турецкий разведчик: прибыл из русского лагеря. Принёс разведчик успокаивающую весть: суворовская армия в четыре раза меньше турецкой. Стоит она в восьмидесяти верстах от Рымника и к бою пока не готова.

Восседал визирь на подушках, пил кофе и составлял план разгрома Суворова.

Наступила ночь. Визирь заснул.

И вдруг на рассвете сквозь сон Юсуф-паша услышал дикие крики:

– Русские! Русские! Русские!

Выскочил визирь из палатки – в турецком лагере паника. Носятся турецкие офицеры. Горланят солдаты. Крики. Шум. Разобраться немыслимо.

– Какие русские?! Откуда русские? – кричит визирь.

А русские уже и слева, и справа, бьют и в лоб, и с боков, и с тыла. Теснят растерявшихся турецких солдат. «Ура! Ура!» – несётся со всех сторон.

– Стойте! – кричит визирь. – Сыны Аллаха! Стойте!

Но турки не слушают своего начальника. Одолел турецкую армию великий страх.

Схватил визирь священную книгу – Коран, стал заклинать трусов.

Но и слова о Боге не помогают.

Приказал визирь стрелять по турецким солдатам из собственных пушек.

Но и пушки не помогают.

Бежал тогда с поля боя вместе со своими воинами и сам великий визирь. Победа Суворова была полной.

Любил Суворов стремительные переходы. Нападал на неприятеля неожиданно, обрушивался как снег на голову.

За победу при Рымнике Екатерина II возвела Суворова в графское достоинство. А к его фамилии было добавлено почётное слово – Рымникский.

Измаил

И в третий раз в новой турецкой войне отличился великий Суворов.

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шёл вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. Крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст.

Не могли русские войска долго взять турецкую крепость. И вот прошёл слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

– Как поступать будем? – спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

– Отступать надобно, – говорят генералы. – Домой, на зимние квартиры.

– «На зимние квартиры»! – передразнил Суворов. – «Домой»! Нет, – сказал. – Русскому солдату дорога домой через Измаил ведёт. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставлял их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу, Суворов кричит:

– Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать. Давай снова.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

– Тут, – говорит, – лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом отправил к турецкому генералу посла – предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

– Раньше небо упадёт в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты всё, чему их учил Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены. Лихо бились турки. Только не удержали они русских солдат. Ворвались наши войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок всего и спасся.

Новые награды пришли к Суворову.

Ушак-паша

Ушак-паша – это совсем не турок. Ушак-паша – это русский адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков.

Ушак-пашой турки его прозвали. Боялись они Ушакова. Не раз вступал он с ними в морские схватки, немало потопил турецких кораблей.

Турецкий адмирал Саид-Али поклялся отомстить Ушакову.

Приказал он сделать железную клетку. Показал её турецкому царю – султану. Клетка большая, прутья толстые, пудовой гирей замок висит. Дал Саид-Али султану слово, что разобьёт он в морском бою Фёдора Ушакова. Схватит. Посадит в клетку. Доставит в Турцию. Повезут Ушакова – Ушак-пашу – напоказ по турецким городам и сёлам.

Понравилось султану обещание Саид-Али. Одобряюще закивал султан.

Был уверен турецкий адмирал, что сдержит слово, которое дал султану. Однако получилось всё по-другому.

На Чёрном море, у западных его берегов, есть мыс Калиакрия.

В те дни в этом месте находилась турецкая эскадра. Стояла она недалеко от берега. Ничего не предвещало турецкому флоту беды. Море было спокойно. Светило солнце. И вдруг…

– Неизвестные корабли! – закричали турецкие дозорные.

Это были корабли Ушакова.

Умно поступил Ушаков. Ветер в тот день дул с берега на море. Направил адмирал Ушаков свои корабли так, что оказались они между берегом и турецкой эскадрой. Корабли в те времена ходили только под парусами. Прошёл Ушаков между мысом Калиакрия и турецкой эскадрой. Потом развернулся в сторону турецких

кораблей. Ударил ветер с суши в русские паруса. Набрали полотнища силу. Устремились на турок русские корабли.

Пытался Саид-Али развернуться навстречу кораблям Фёдора Ушакова. Однако смяли русские турок. Погнали турецкие суда в открытое море.

Разгромил Фёдор Ушаков – Ушак-паша – эскадру Саида-Али. Турецкий флот был полностью уничтожен.

Турецкий адмирал, однако, спасся.

Узнав о гибели своих кораблей, турецкий султан был в страшном гневе. Вспомнил он про железную клетку, в которой адмирал Саид-Али обещал привезти Ушакова, приказал бросить в эту клетку самого Саида-Али.

Повезли с позором адмирала Саида-Али показывать народу по турецким городам и сёлам.

«Не тронь меня»

Один из кораблей Балтийского флота имел необычное название – «Не тронь меня».

Спокойно на берегах Балтийского моря. Война идёт далеко на юге, у черноморских границ России.

Завидовали балтийские моряки морякам Черноморского флота: «Вот где дела настоящие. Вот где дела геройские!»

И вдруг…

Жители Петербурга неожиданно услышали звук канонады.

– Пушки!

– Видать, манёвры.

– Видать, парад!

Но это был не парад, не военные манёвры. Воспользовавшись тем, что Россия вела войну с Турцией и почти все русские войска в это время находились на юге страны, соседка наша на севере – Швеция – напала на русские земли.

При царе Петре I шведы проиграли знаменитый Полтавский бой. Вот теперь и решили:

– Отомстим за Полтаву!

Поползли по Петербургу слухи:

– Брат короля – герцог Зюдерманландский на Петербург идёт.

– Сам шведский король – Густав Третий на кораблях плывёт.

Шведские войска переступили границу России. Шведский флот подошёл почти к самому Петербургу. Все ожидали морского десанта.

Заволновались приближённые Екатерины II. Решили, что императрице надо срочно уехать из Петербурга. Приготовили лошадей.

– Отъезжай, матушка!

– Лошади готовы.

Отказалась уехать Екатерина II, сказала:

– Пусть хоть брат короля – герцог Зюдерманландский на Петербург идёт. Пусть хоть сам шведский король Густав Третий на кораблях плывёт. Не уеду.

Осталась императрица в Петербурге. Быстро организовали русские надёжную оборону. Даже создали из жителей народное ополчение.

Шведские корабли от Петербурга были отогнаны. Остановили русские врага и на суше.

Отличились тогда в боях многие корабли. В том числе и корабль Балтийского флота «Не тронь меня», храбро сражавшийся со шведами.

Вскоре подошли свежие силы. Русские начали наступать. Отбросили они врагов за границы России. (Действительно, в шведской армии находился брат короля, герцог Зюдерманландский.) А шведский флот загнали в Выборгский залив.

(На одном из шведских кораблей действительно оказался шведский король Густав III.)

Русские корабли во главе с отважной командой «Не тронь меня» перегородили шведам выход из Выборгского залива. Оказались шведы как в мышеловке. Даже хотели сдаться.

Однако потом пошли на прорыв. Много шведских кораблей во время боя тогда погибло. Король Густав III чуть не попал к русским в плен.

Победы, одержанные в этих боях, – немалая заслуга команды корабля Балтийского флота «Не тронь меня».

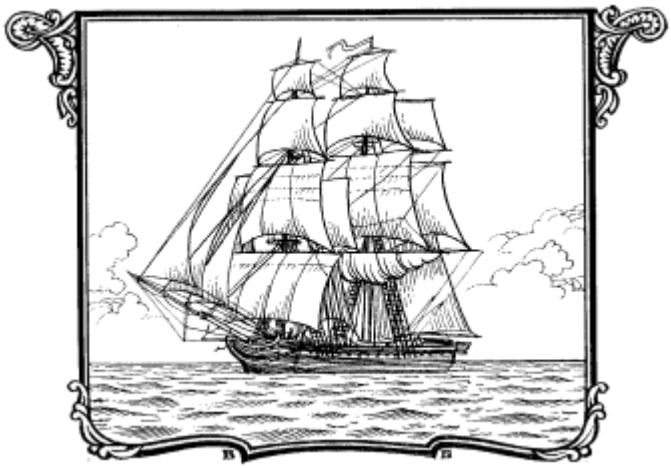
Понравилось Екатерине II название корабля-героя. Вскоре, когда шведы запросили мира, русская императрица написала шведскому королю:

«Зря ты, братец, тронул меня. Не трогай. Живи мирно. Не лезь в Россию».

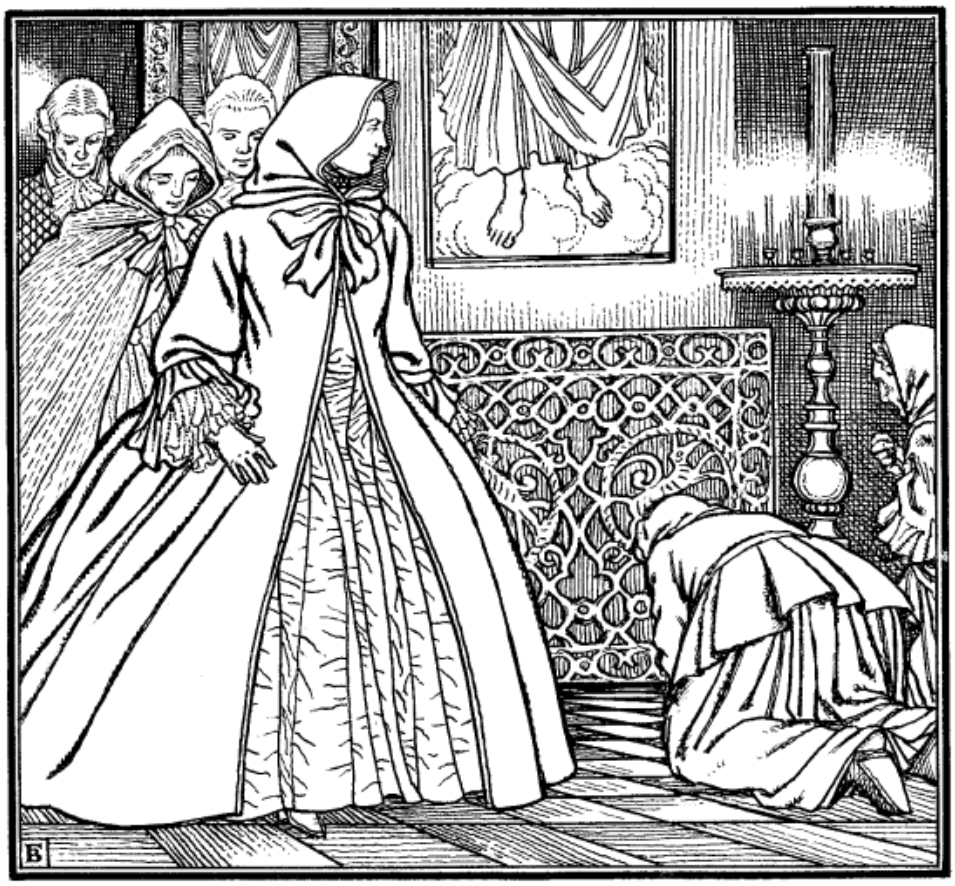
Заключила Россия со Швецией мир.

Вслед за шведами запросили мира и турки. Кончилась война на севере. Кончилась и на юге.

Наступили спокойные дни для России.



Глава пятая
Ошибки забудутся. Дела останутся



Прошение

Как-то была Екатерина II на богослужении.

Много народу собралось в церкви. Обратила внимание императрица на одну пожилую женщину. Стояла она на коленях, била поклоны Царю Небесному:

– Боже милостливый, всесильный…

Перед женщиной на полу лежала какая-то бумага. Заглядывала женщина в бумагу:

– Боже милостливый, всезнающий…

Молится женщина, молится. Что-то у Бога просит.

Заинтересовалась Екатерина II. Стала прислушиваться. Однако, о чём просила женщина у Бога, не поняла. Ясно одно: по отношению к женщине допущена какая-то несправедливость.

После богослужения Екатерина II приказала узнать, что это за женщина, в чём её горе, что это за бумага лежала перед ней на полу.

Вскоре приближённые доложили:

– Вдова отставного майора Андроника Водовозова. Жалуется Богу на несправедливость. Лишили её после смерти мужа пенсии.

– Кто лишил? – спросила Екатерина.

Смутились приближённые. Молчат.

– Так кто лишил?

– Вы, матушка.

Смутилась теперь Екатерина II.

– А что за бумага?

– Прошение к Богу.

Распорядилась Екатерина II узнать, справедливо ли поступили с вдовой Водовозовой.

Выяснили приближённые:

– Несправедливо, матушка.

– И я подписала?!

Приближённые промолчали.

Приказала Екатерина II восстановить справедливость: вернуть майорской вдове пенсию.

Прошло несколько дней. Императрица вновь была на богослужении. И вновь увидела вдову Водовозову.

Снова женщина стояла на коленях. Снова била поклоны Богу. Прислушалась Екатерина. Разобрала теперь слова:

– Всевышний, всесильный, всезнающий, увидел ты слёзы вдовьи… Спасибо, Отец Небесный. Услышал мой голос тихий… Одумались злые люди. Вернули мне пенсию…

Улыбнулась Екатерина. Доброе дело сделала.

Выходила из церкви вдова Водовозова, дородная, важная:

– Услышал Господь молитвы…

Сэр Том Андерсон

– Как спал сэр Том Андерсон? – спросила утром Екатерина II.

– Хорошо спал.

– Как спала леди Андерсон?

– Хорошо спала.

– Что на завтрак ел сэр Том Андерсон?

– Как всегда – мясо с косточкой.

– Чем позавтракала леди Андерсон?

– Как всегда – пила молоко из блюдечка.

Подошла Екатерина II к сэру Тому Андерсону и леди Андерсон:

– Мои хорошие!

Завиляли они хвостами.

Сэр Том Андерсон и леди Андерсон – это собачки. Любимицы Екатерины. Особенно сэр Том Андерсон.

Утро. Царскосельский дворец. Просыпается Екатерина. Одевается. Отправляется на прогулку. Рядом бегут сэр Том Андерсон и леди Андерсон. Всё-то им интересно. И что за палка рядом с кустом валяется. И что там зашевелилось в траве. И почему это вдруг лягушки в пруду заквакали.

Вечер. Снова прогулка у Екатерины. Снова собачки рядом. Всё интересно сэру Тому Андерсону и леди Андерсон. И что это за жук проковылял по тропке. И почему это белка прыгнула с ветки на ветку. И с чего это ворон с ели высокой каркнул.

Оберегают собачки Екатерину во время прогулок. Чуть что – ощерится сэр Том Андерсон:

«Тяв!»

Насупится, ощерится леди Андерсон:

«Тяв! Тяв!»

Есть у собачек и ещё одна обязанность: приносят хозяйке ночные туфли.

Сэр Том Андерсон озорник и проказник. То начнёт носиться за голубями, то на берегу загоняет кошку, то за мухой по залам дворцовым носится.

А тут как-то вовсе исчез из дома. Обыскали слуги дворец. Обходили весь парк:

– Сэр Том Андерсон!

– Сэр Том Андерсон!

Не откликается Андерсон.

Вернулись домой, а он вылезает из-под кровати.

Вечер. Засыпает Екатерина.

– Спокойной ночи, сэр Том Андерсон.

«Тяв!»

– Спокойной ночи, леди Андерсон!

«Тя-я-яв!»

И вот случилась беда. Заболела вдруг леди Андерсон. Позвали врачей. В тревоге Екатерина:

– Ну как?! Ну что?!

Не поправилась леди Андерсон. Умерла. Похоронили её в Царскосельском парке.

Переживал сэр Том Андерсон гибель своей подруги. Приходил часто к её могиле. Лежал. Жалобно скулил. Перестал есть. Перестал

пить. Не пережил разлуки сэр Том Андерсон. Нашли его вскоре мёртвым.

Похоронили сэра Тома Андерсона в одной могилке с леди Андерсон.

Пришёл взвод гвардейцев. Подняли солдаты ружья. Грянул прощальный залп.

Салют Андерсону! Прощай, Андерсон!

Горевала Екатерина II. Приходила к могиле. Плакала.

Поклон

Екатерина II выглядела величественно. Ходила прямо. Голову держала высоко.

Многие, даже очень важные, люди при Екатерине II терялись.

Растерялся и священник отец Василий. Екатерина II как-то посетила собор, в котором служил отец Василий. Священник должен был произнести приветственные слова.

Прибыла Екатерина II. Встретил её отец Василий. Начал своё приветствие:

– Матушка, государыня!..

И остановился. Растерялся. Не идут дальше слова из отца Василия. Начал заново:

– Матушка, государыня…

И опять остановился.

– Матушка, государыня…

– Слушаю вас, отец Василий, – проговорила Екатерина II.

– Матушка, государыня…

– Слушаю, батюшка, слушаю.

– Матушка, государыня…

Не получается ничего у отца Василия.

Пришла Екатерина II к нему на помощь:

– Благословите меня, батюшка.

Священник сразу оживился. Вернулся к нему дар речи. Приступил он к привычному делу. Без робости, без испуга благословил Екатерину II.

– Спасибо, батюшка.

Начал священник церковную службу. Да всё так хорошо отслужил, так зычно пропел и отмахал кадилом, что даже Екатерина II сказала:

– Спасибо, батюшка. Давно такой красоты не видела.

Уехала Екатерина II. Стали другие священники ругать отца Василия:

– Эх ты! Поприветствовать матушку государыню не смог.

– Церковь подвёл Православную.

И приближённые, которые сопровождали Екатерину II, стали ругать священника:

– Священник – шляпа!

– Священник – каша!

– Испортил встречу твою, государыня.

– Не испортил, не испортил, – прервала их Екатерина II. – Молодец! Вот как отлично провёл церковную службу. А то, что растерялся, бывает. – И добавила: – Да разве главное в том, чтобы человек был речист? Поклон наш тому, кто дело умело делает.

Василий

Жил у Екатерины II говорящий попугай. Звали его Василий. Умел произносить три слова: «дурак», «мошенник» и «вор».

Забавляло это Екатерину. Сообразила она, что попугай, знающий такие слова, может быть ей полезным.

Немало, особенно в начале царствования, окружало Екатерину и дураков, и воров, и мошенников. Многие из них были люди известные, именитые, больших чинов и из высшей знати.

Разобралась вскоре Екатерина, кто из них дурак, кто мошенник, кто вор. Однако прямо об этом сказать знатным людям в лицо было ей неудобно. Вот тут и помогал Василий.

Был у императрицы как-то на приёме камергер Пирогов-Коврижкин. Долго какими-то пустяками морочил ей голову.

Слушала, слушала Екатерина II. А потом приказала слуге принести клетку с Василием.

Увидел клетку Пирогов-Коврижкин, подошёл к попугаю:

– Ах, какой милый, какой хороший!

Посмотрел Василий на камергера – и вдруг:

– Дурак! Дурак! Дурак!

Смутился Пирогов-Коврижкин. Понять не может: кто дурак? Попугай дурак или он, Коврижкин?

– Фи, как нехорошо, – пристыдила попугая Екатерина II. А сама одобрительно Василию подмигнула.

Ушёл Пирогов-Коврижкин. Видимо, понял, в чём дело. Не ходил он с той поры больше к Екатерине II. Не приставал, не мучил вопросами глупыми.

Пришёл как-то к ней важный чиновник Кол-Закомельский. Был он чиновником дельным, но и плутом изрядным.

Пыталась Екатерина не раз уличить его в каком-то недобром деле. Однако очень ловко всегда выворачивался Кол-Закомельский.

Неудобно Екатерине II прямо сказать, что чиновник – мошенник. Приказала она слуге принести клетку с попугаем.

Прибыл Василий. Посмотрел на Закомельского – и вдруг:

– Мошенник! Мошенник! Мошенник!

Остолбенел чиновник. Как же говорящую птицу понять? Кто же мошенник? Это он, Закомельский? Был Кол-Закомельский неглуп. Сообразил он, что неспроста оказался рядом с Екатериной II говорящий попугай. Сказал:

– Прости, матушка, понял.

Был приглашён к императрице как-то генерал Обозин-Атакин.

Был он генерал не строевой, не боевой, а генерал по хозяйственной части. Ведал разными поставками для армии. Ходили слухи, что генерал Обозин-Атакин не только плут и обманщик, но и самый настоящий вор.

Приказала Екатерина II вызвать к себе генерала. Принесли и Василия.

Увидел генерал попугая:

– Ах, какой милый! Ах, какой хороший!

Посмотрел на генерала Василий. Раскрыл свой клюв:

– Вор! Вор! Вор!

Даже от клетки отскочил генерал. Эх ты, дрянная птица!

Бедой закончилась для вора-генерала встреча с императрицей. Приказала Екатерина II уволить его из армии. За воровство отдали генерала под суд.

Многим царским сановникам попортил кровь екатерининский попугай.

Желают всякие высокопоставленные плуты и жулики царскому любимцу:

– Скорее бы ты сдох!

Ждут.

Однако попугай – птица живучая. Не собирается помирать Василий.

Бумага

С чиновником Зямушкиным случилась большая беда. Служил он государственным регистратором. Проходили через его руки разные важные бумаги, подписанные Екатериной II. Раскладывал он эти бумаги по различным папкам или отправлял по указанным адресам.

Был он человек исполнительный, аккуратный. Начальство его ценило. И вдруг…

– И как же это случилось… – не находит себе места Зямушкин. – И как Господь не удержал? Болван я. Болван!

А случилось вот что. Перебирал как-то Зямушкин на своём рабочем столе бумаги. Нужные откладывал в сторону. Ненужные рвал. И вот среди тех бумаг, которые Зямушкин порвал, обнаружил он вдруг бумагу за подписью Екатерины II. Какой-то новый её указ.

Спохватился Зямушкин, да поздно. От указа остались одни клочки. Даже подпись Екатерины была разорвана.

Побледнел, посерел, холодным потом покрылся Зямушкин. Быть ему в строгом ответе. Хоть в пруд ныряй, хоть вешайся.

Потом Зямушкин чуть успокоился. Стал думать, как же ему поступить. Решил броситься в ноги императрице.

Екатерина II жила в это время в Царском Селе. Приехал в Царское Село Зямушкин, проник в дворцовый сад, засел в кустах.

Сидит, ждёт, не выйдет ли на прогулку Екатерина. Просидел он несколько часов и дождался. По аллее парка шла императрица.

Выждал Зямушкин, пока Екатерина II не поравнялась с кустом, вышел из-за своего укрытия и упал на колени:

– Не погуби, матушка!

От неожиданности она вздрогнула. Потом сказала:

– Встань. Что ты за человек?

Ответил Зямушкин, что он за человек. И опять упал в ноги Екатерине II:

– Матушка, только вы можете меня спасти.

– Так в чём же дело?

Объяснил Зямушкин, что разорвал он случайно указ Екатерины II. И вот теперь хоть в пруд ныряй, хоть вешайся.

Усмехнулась Екатерина II. Пожалела Зямушкина:

– Не надо вешаться. Ступай домой. А завтра здесь же и в этот же самый час ожидай меня.

Пришёл на следующий день Зямушкин в сад. Дождался Екатерину. Передала ему императрица, вместо порванного, новый указ за своей подписью. Передавая указ, сказала:

– Только никому не говори. А то достанется и тебе, и мне от твоих начальников.

Мчал Зямушкин в Петербург, в свою канцелярию, радость в сто солнц на лице светилась.

Строга бывала Екатерина II к своим подчинённым. Но часто прощала, миловала.

Театрал

Мало в те годы в России было театров. В Москве, в Петербурге, кое-где в губернских городах.

Губернатором одной из западных областей России был князь Репнин. Любил он театр. Ходил чуть ли не каждый день на спектакли. Однако привычку имел плохую. Постоянно опаздывал к началу представлений.

То увлечётся игрой с друзьями в карты. То задержится на охоте. То просто проспит.

Раз устроили в губернии у Репнина ревизию. Придраться смогли к немногому. Умело управлял князь Репнин губернией.

И всё же кто-то шепнул Екатерине II:

– Опаздывает князь Репнин в театр на спектакли.

– Ну и что? – ответила Екатерина. – Раз нравится – пусть опаздывает.

– Так-то так, – соглашаются с Екатериной II. – Только ведь не начинают без него спектакли.

– Как не начинают?

– Ждут. Губернатор!

Как-то при встрече Екатерина сказала Репнину:

– Ты, батюшка, с театром – поаккуратнее.

Согласился Репнин. Перестал опаздывать на спектакли. Даже раньше порой стал приходить.

Однако прошло какое-то время, и всё повторилось. Вновь то задержится он на охоте, то заиграется в карты, то просто проспит. Сидят зрители в театре, дожидаются губернатора.

Вновь пришлось сделать Екатерине II замечание Репнину. А когда ещё раз всё повторилось, взяла и перевела его губернатором в другую губернию, в которой театра не было.

– Некуда будет опаздывать, – сказала Екатерина II.

Ошиблась она. Репнин театр очень любил. И вскоре в новой губернии создал городской театр. Однако не исправился сам Репнин. И здесь стал опаздывать на спектакли.

Тогда императрица перевела его в третью губернию.

– Он у нас – театрал, – сказала Екатерина II. – Он и там организует театр. Только польза народу будет.

Приказала Екатерина II разузнать, в каких ещё губерниях нет театров.

Курица

Было это недалеко от Петербурга. В Царском Селе, в царском дворце.

Заинтересовалась как-то Екатерина II: что это за шум за окном? Подошла к окну. Выглянула. Видит: какая-то щуплая старушка гоняется за рябой курицей. Курица прыткая, ловкая. Старушка маленькая, сгорбленная. Не может старушка поймать курицу.

– Ах ты, паршивица! Ах ты, бесстыдница! – ругается старая.

Убегает, дразнит старушку курица. Остановится старушка. Переведёт дыхание. Передохнёт. Снова гонится за хохлаткой.

– Ах ты, бесстыдница! Ах ты, разбойница!

«Ко-ко! Ко-ко!» – издевается над старушкой рябая курица.

Решила Екатерина II разузнать, что это за старушка и что за курица.

Доложили Екатерине, что старушка – это бабушка одного из молодых придворных поваров, мол, приходила к внуку, мол, внук и дал ей на пропитание курицу. Не удержала старушка курицу. Вырвалась та на волю. Намучилась старая женщина, пока беглянку поймала.

– И часто приходит к внуку старушка? – спросила Екатерина.

– Часто.

– И часто уходит с курицей?

– Каждый раз.

Поняла Екатерина II: хоть и мелкое, но на царской кухне идёт воровство.

Хотела императрица строго наказать молодого повара. Потом остыла, подумала. Не зря, наверное, приходит старуха за курицей. Есть старухе, наверное, хочется.

Распорядилась Екатерина выдавать из дворцовой кухни каждую неделю старушке по курице. А чтобы государственная казна не страдала, деньги за курицу удерживать из заработанных поваром-внуком. И ещё одно: чтобы курица не вырывалась из рук старушки, чтобы та не мучилась, гоняясь за прыткой птицей, приказала Екатерина II сажать курицу в клетку.

Ступает теперь старушка домой из дворцовой кухни – в руках клетка. В клетке – курица.

Прижимает старушка клетку к груди, вспоминает внука:

– Вот какой он у меня заботливый!

«Ко-ко, ко-ко!» – подаёт свой голос из клетки курица.

Каплей озёра полнятся

При Екатерине II расширились границы России на запад, на юг, на восток.

Далёкий восточный край. Тихий океан. Командорские острова, присоединённые к России до вступления Екатерины II на престол. Дальше идёт Америка.

Молодой подпоручик Михаил Теплов, только что получивший свой первый военный чин, получил и первое назначение. С группой других офицеров ему было приказано ехать на Командорские острова. Необходимо исследовать новые русские земли, нанести на карты.

– Даль-то какая… – расплакалась мать.

– Ничего, осилит, – сказал отец.

Всплакнула сестрёнка Ноннушка.

Долго грустно смотрела уезжающему Теплову вслед невеста Аннушка.

Прошёл год. Нет вестей от Теплова. Волнуются дома:

– Вдруг как в море погиб?

– Может, медведь задрал.

– Хворь свалила в краях далёких. Прошло ещё полгода. Нет никаких вестей.

Прошло ещё пол года. И вдруг. Является. Жив. Невредим. Здоров.

Завыла от радости мать:

– Кровинушка! Родненький!

Бросилась на шею сестрёнка Ноннушка.

Подошла, расцвела, как майский цветок, невеста Аннушка.

– Герой! – произнёс отец.

Смотрят они на Теплова, на военный мундир, на погоны. Рассмотрели – и ахнули.

Ахнула мать.

Ахнул отец.

Ахнула Ноннушка.

Ахнула Аннушка.

Уезжал Теплов на восток подпоручиком. А сейчас стоит перед ними майор.

Понял Михаил Теплов удивление родных. Улыбнулся, сказал:

– Полагается.

И пояснил. Установила Екатерина II, оказывается, такой порядок. Доехал офицер до берегов Тихого океана – получай очередной чин.

Доехал до берегов Камчатки – ещё прибавляется новый чин.

Добрался до Командорских островов – опять повышение.

Выходит, побывал Михаил Теплов за эти два года и подпоручиком, и поручиком, и капитаном. И вот вернулся домой майором.

Поощряла Екатерина II открытие и освоение новых земель. Каждой новой части русской земли она радовалась. Так было и с Командорскими островами. Похвасталась как-то и в разговоре с графом Бестужевым.

– Подумаешь, острова! – усмехнулся граф Бестужев. – Даль-то какая. У дьявола на хвосте. Полжизни скачи рысями.

– Так ведь земля новая. Наша она – российская.

Ещё больше усмехнулся Бестужев:

– Хе-хе! Той земли с ноготок. Не земля – горошина.

С укоризной посмотрела Екатерина II на графа Бестужева.

– Малы, малы острова, – согласилась она. – Да каплей озёра полнятся. Государство по камушку строится.

Памятник

Решила Екатерина II установить памятник Петру I.

– Верно, матушка, верно, – поддакивают приближённые. – Мы тоже давно так думаем.

– Надо не думать, а делать, – сказала Екатерина.

– Верно, матушка, верно.

Срочно скульптору заказали памятник. Через пол год а царице доложили:

– Готов памятник.

– Покажите.

Повезли Екатерину в мастерскую к скульптору, показали памятник Петру I.

Посмотрела она и говорит:

– Да разве это памятник?! Да разве это Пётр?!

Действительно, памятник был громоздкий. Лошадь огромная. Пётр на лошади сидел мрачный, угрюмый. Забраковала Екатерина II памятник. Стали думать о новом скульпторе.

– Ну как? – через какое-то время спросила Екатерина.

– Ищем! – ответили приближённые.

Ещё через какое-то время:

– Ну как?

– Ищем!

В третий раз интересуется Екатерина памятником Петру I.

Разводят подчинённые руками:

– Не получается, матушка, памятник.

Написала тогда Екатерина письмо в Париж своему другу – писателю и учёному Дидро. Просит помочь ей в поисках скульптора.

Вскоре из Парижа пришёл ответ. Рекомендовал Дидро французского скульптора Этьенна Фальконе́.

– Фальконе, Фальконе… – стала вспоминать Екатерина II.

Не знала она такого.

Однако и сам Дидро сообщал, что Фальконе – скульптор пока малоизвестный. Но человек он очень талантливый. «А от таланта ожидать можно многого», – писал Дидро.

Согласилась Екатерина II с Дидро. От таланта ожидать можно многого. Приехал Фальконе в Петербург. Долго работал. Уже многие даже стали терять надежду увидеть памятник.

– Подождём, подождём, – говорила Екатерина. Напоминала слова Дидро: «От таланта ожидать можно многого».

Наконец памятник был готов. Глянула Екатерина II.

Сидит Пётр I верхом на коне. Конь вздыблен. Смотришь на памятник, и кажется: вот-вот сорвется всадник с каменного пьедестала и в стремительной скачке умчится вдаль. Под копытами коня лежала поверженная змея.

Понравился памятник Екатерине II. Приказала она выбить на нём слова: «Петру Первому Екатерина Вторая».

Сбегались люди, смотрели на памятник, говорили о Екатерине II:

– Не забывает. Помнит. Петровы дела продолжила.

Памятник лёгок, величествен и красив. Творение Фальконе – один из лучших конных памятников в мире.

Он и ныне стоит в Петербурге. Рядом с Невой, на Сенатской площади.

Наследники

Наследником русского престола был сын Екатерины II – Павел. Когда Павлу исполнилось шестнадцать лет, Екатерина II решила его женить.

Подобрала для него невест. Оказалось их сразу три. Принцессы Гессен-Дармштадтские. Были они сёстрами. Звали их Амалия, Луиза и Вильгельмина. Привезли в Петербург три портрета. Поставили перед Павлом. Павел выбрал Вильгельмину.

Вскоре состоялась свадьба. Вильгельмина получила русское имя Наталья Алексеевна.

Екатерина II стала ждать первого внука. Артиллеристы получили приказ: если родится мальчик, устроить триста выстрелов из пушки. Если родится девочка, выстрелить сто пятьдесят раз.

Наступили роды. Приготовились артиллеристы. Приготовились и жители Петербурга считать количество выстрелов. Даже начались споры:

– Будет мальчик.

– Нет, будет девочка.

– Будет триста выстрелов.

– Нет, будет их сто пятьдесят.

Не состоялись выстрелы. Не появился внук у Екатерины II. Наталия-Вильгельмина во время родов скончалась.

Пришлось Екатерине искать новую невесту для сына Павла. На сей раз не привозили в Россию ничьих портретов. Павел сам поехал смотреть невесту. Была она тоже из Германии. Из княжества Вюртембергского. Приходилась двоюродной внучкой прусскому королю. Звали её Софья Доротея. Женился Павел на Доротее. В России она стала Марией Фёдоровной.

Снова Екатерина II принялась ждать первого внука. Снова артиллеристам дана команда. Триста выстрелов, если родится мальчик. Сто пятьдесят, если родится девочка.

Благополучно свершились роды. Ударила пушка. Считают жители:

– Раз, два, три…

– Десять, двадцать, тридцать…

– Сто, сто пятьдесят, сто пятьдесят один…

– Ура! Родился мальчик.

Отстреляла пушка, как и положено, триста раз.

Назвали мальчика Александром.

Прошёл год. Снова стреляла пушка. Считают жители:

– Раз, два, три…

– Десять, двадцать, тридцать…

– Сто, сто пятьдесят, сто пятьдесят один…

– Ура! Снова родился мальчик.

Назвали его Константином.

Прошло ещё какое-то время. Опять загремела пушка. Считают жители:

– Раз, два, три…

– Десять, двадцать… тридцать…

– Сто, сто пятьдесят, сто пятьдесят один…

– Ура! Ещё один мальчик.

Назвали его Николаем. Снова промчалось время. Снова раскаты пушки. Считают жители:

– Раз, два, три…

Снова родился мальчик. Назвали его Михайлом. Появились у Екатерины и внучки. Любила своих внуков Екатерина II. В прятки играла. Книжки читала. Баловала.

Есть у Екатерины II наследник-сын. Станет он после её смерти русским царём Павлом I. Есть и наследники-внуки.

Прошли годы. Выросли внуки Екатерины II. Двое из них тоже стали русскими царями.

Внук Александр – императором Александром I.

Внук Николай – императором Николаем I.

Великая

Жизнь Екатерины II приближалась к концу. Уставать стала. Глаза стали хуже видеть. Слышит уже не так хорошо, как раньше. Появились разные боли в теле.

Сидит Екатерина II в глубоком, удобном кресле. Закрыла глаза. Вся прошлая жизнь проходит перед Екатериной.

Вот город Штеттин. Принцесса Фике. «Хочу быть старшей!» – кричит мальчишкам. Вот смотрит на свою ладошку. Корону видит.

Потом вспоминает дорогу в Россию. Мужа своего, императора Петра III. Восстание гвардейских полков. Григория Орлова. Себя верхом на белом коне. Себя на троне. Себя в короне.

Вздыхает Екатерина:

– Как быстро промчались годы…

Приоткроет глаза. На комнату, в которой сидит, посмотрит. Чуть повернётся в кресле. Снова глаза закроет.

И снова идут видения. Вот они – первые её дела на великом троне. Закон о губерниях, закон об учреждениях, другие законы. Печатание новых денег. Перепись населения. Улыбнулась Екатерина II: вспомнила, как прививку первой от оспы сделала, как заставляла сажать картошку.

Что-то скажут о том потомки…

– Ошибки забудутся. Дела останутся, – прошептал вдруг какой-то голос.

Вновь чуть шевельнулась императрица в кресле. И вдруг застучали дробь барабаны. Загудели армейские трубы. Послышались крики и топот солдатских ног. Представляются Екатерине II бой у Кагула и фельдмаршал Румянцев. Алексей Орлов и морское сражение у Чесмы. Присоединение Крыма, новые земли и князь Потёмкин.

– Вот они, лучшие годы! Слава, слава, слава тебе, Россия!

Но вдруг помрачнело лицо царицы. Вспоминает дела другие. Салтычиху. Бунт Пугачёва. Княжну Тараканову. Поручика Мировича и гибель царевича Иоанна. И почему-то тут же рядом: курицу, за которой гонялась старушка; вспомнила вдову, что просила у Бога пенсию; сэра Тома Андерсона, Василия – говорящего попугая…

И следом опять – война. Очаков. Суворов. Штурм Измаила. Победы на море Фёдора Ушакова.

За картиной идёт картина: поездка по приглашению Потёмкина в Крым. Новые города: Николаев, Херсон, Севастополь. Черноморская эскадра, поднявшая белые паруса.

– Слава, слава, слава тебе, Россия!

– Ошибки забудутся. Дела останутся, – вновь прошептали губы.

Опять приоткрыла глаза Екатерина II. Снова закрыла.

Возник перед ней памятник Петру I. Вот он твёрдо сидит на коне. Смотрит, смотрит Екатерина на лицо Петра I. И вдруг шевельнулся петровский ус. И вдруг улыбнулось лицо Петрово.

И тут же сразу за этим послышались детские голоса. Да это же внуки, её внуки, – поняла Екатерина II. Они бегут куда-то вперёд. Их становится всё больше и больше. «Как много!» – удивляется Екатерина II. Она понимает: это внуки не только её… Внуки и правнуки. Голова Екатерины II опускается на грудь. А дети бегут и бегут, бегут один за другим…

Царствование Екатерины II было долгим. Продолжалось оно тридцать четыре года. Не забыли люди дела Екатерины II. После смерти назвали её – Великой.